

Алексей Ракитин
Американские трагедии.
Хроники подлинных
уголовных расследований
XIX-XX столетий. Книга VII

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69650719
ISBN 9785006054882

Аннотация

Седьмая книга серии. Сборник очерков, посвященных как широко известным, так и давно забытым сюжетам криминальной истории США. Помимо необычных и полных драматизма уголовных расследований в представленных очерках можно увидеть подлинную картину общественной жизни США XIX – XX веков, специфику правоприменения и особенности работы правоохранительного сообщества той поры.

Содержание

Необходимое уточнение	5
1975 год. Как убивают некрасивые женщины.	6
Невыдуманная история филиппинских медсестёр-отравительниц («дело Нарсисо – Перез»)	
История Гадкого утёнка, так и не ставшего Белым Лебедем	49
Конец ознакомительного фрагмента.	176

**Американские трагедии
Хроники подлинных
уголовных расследований
XIX-XX столетий. Книга VII**

Алексей Ракитин

© Алексей Ракитин, 2023

ISBN 978-5-0060-5488-2 (т. 7)

ISBN 978-5-0053-5460-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Необходимое уточнение

Книга не пропагандирует употребление наркотиков, психотропных веществ или каких бы то ни было других запрещенных веществ. Автор категорически осуждает производство, распространение, употребление, рекламу и пропаганду запрещенных веществ. Автор видит главную цель настоящего сборника в том, чтобы показать негативное влияние запрещенных веществ на человека. Наркотики – это плохо! Наркотики безусловно недопустимы! Наркотики – это зло!

1975 год. Как убивают некрасивые женщины. Невыдуманная история филиппинских медсестёр-отравительниц («дело Нарсисо – Перез»)

Госпиталь ветеранов вооружённых сил (в английской транскрипции Veteran administration hospital или сокращённо VA Hospital) по адресу №2215 Фуллер-роад (Fuller road) в городе Энн-Арбор, штат Мичиган в США, ввели в строй в сентябре 1953 г.

Здание это, сильно перестроенное и модернизированное, существует и поныне, как, впрочем, и прилегающая к нему парковая зона. Именно это место оказалось связано с одной из самых странных и загадочных криминальных историй. По целому ряду довольно специфических нюансов, о которых будет сказано в своём месте, история серийных убийств, произошедших в нём, сейчас в США почти позабыта. Между тем, помнить её следует, поскольку история эта по-настоящему интересна и в какой-то степени поучительна.

Началось всё с того... хотя на самом деле даже непонятно, с чего же всё и началось.

В начале июля 1975 г. в отделении интенсивной терапии

VA Hospital стали умирать пациенты. В принципе, они умирали там всегда, поскольку в этом отделении находятся самые тяжёлые больные, поэтому можно сказать, что смерть кого-то из них являлась всего лишь статистической величиной.

Прошёл почти месяц, прежде чем врачи обратили внимание на увеличение частоты скоропостижных, т.е. внезапных, смертей. Причём с очень схожими диагнозами. У сравнительно молодых мужчин, находившихся в хорошей физической форме, внезапно останавливалось дыхание, тут же начинались перебои в работе сердца, затем останавливалось и сердце... Больных начинали реанимировать и возвращали к жизни, но через 6 часов необъяснимый припадок слабости повторялся. Не всякий раз и не у каждого, но, по меньшей мере, в 4-х случаях приступы имели место в течение суток два и даже три раза.

Госпиталь ветеранов вооружённых сил (сокр. VA Hospital) был построен в начале 1950-х гг и принял первых пациентов в сентябре 1953 г.

Особенно подозрительно выглядела остановка дыхания и сердца у 36-летнего офицера-десантника в отставке Кристофера Райта, который попал в реанимацию после сравнительно простенькой операции на колене. Мужчина был абсолютно здоров, всю жизнь занимался спортом, и ничто не указывало на возможность серьёзных послеоперационных осложнений, но его, между тем, едва спасли!

Сейчас уже невозможно сказать, кто первым из врачей-реаниматологов обратил внимание на странные случаи ухудшения здоровья у пациентов, вполне возможно, что это сделали независимо друг от друга сразу несколько человек. Но в конце июля некоторые из врачей обменялись мысля-

ми по этому поводу и решили составить список с перечнем подозрительных инцидентов. Таковых по разным подсчётам получилось изрядно – 11 подозрительных смертей и примерно столько же случаев, не закончившихся смертью. Доктор Энн Хилл (Anne Hill), главный врач отделения интенсивной терапии, посчитала необходимым сообщить о возникших подозрениях начальству.

Когда руководство госпиталя ознакомилось со служебной запиской Энн Хилл, началось внутреннее расследование. Первым его шагом явилась попытка определения того, какое именно вещество провоцировало критическое падение жизненных функций. Для этого образцы крови подозрительно умерших были подвергнуты расширенному химическому анализу. Результат оказался шокирующим – у 9 из 11 подозрительно умерших в реанимации в крови присутствовал «павулон» (pavulon) – мощный мышечный релаксант, являющийся синтетическим аналогом яда кураре, одного из самых опасных алкалоидов. Ни одному из умерших «павулон» не назначался. Случайно попасть подобное вещество в кровь больного никак не могло, а стало быть, в каждом из 9 случаев имело место умышленное убийство.

Как только стало известно, что причиной смерти пациентов явилось отравление лекарственным препаратом, администрация госпиталя поставила в известность ФБР. VA Hospital являлся частью федеральной сети лечебных учреждений, финансируемых Пентагоном, а потому преступле-

ние на его территории относилось к категории федеральных и должно было расследоваться Бюро.

«Павулон» («pavulon» он же «pancuronium bromid») является синтетическим аналогом кураре, одного из мощнейших ядов растительного происхождения. В медицине используется при интубировании больного, а также для расслабления его мускулатуры во время проведения хирургических операций большой продолжительности.

Расследование началось в обстановке глубокой тайны, что легко объяснимо: преступник, узнав, что его действия раскрыты, мог затаиться, уничтожить улики, заняться обеспечением alibi или каким-то иным образом оказать противодействие расследованию. Спецагенты ФБР из офиса Бюро в Детройте приступили к отработке сразу нескольких на-

правлений. Одна из перспективных версий исходила из того, что «павулон» попадал в отделение интенсивной терапии под видом какого-то иного лекарства, казавшегося безобидным, т.е. врачи ставили капельницы, не подозревая о последствиях. Другая версия предполагала действия кого-то из больничного персонала, никак не связанного с реанимацией непосредственно. Другими словами, смертельными проделками занимался некто, не работавший в отделении и входивший туда только время от времени, например, это мог быть уборщик, электрик, настройщик медицинской аппаратуры и т. п. Наконец, третье направление касалось подозрений в отношении персонала отделения. В рамках этой версии следовало проверить время присутствия на рабочих местах всех врачей и медсестёр реанимации и сопоставить эти данные с датами инцидентов.

Расследование требовало большой аналитической работы. Необходимо было проверить личные дела 750 работников госпиталя, изучить графики их работы в июле и начале августа 1975 г., разобраться с логистикой движения медицинских препаратов (откуда поступают, как транспортируются, в каких условиях хранятся в больнице и выдаются в отделения, кто и как получает к ним доступ и как отчитывается о расходе и т.п.).

Сложно сказать, как развивались бы события, если бы 15 августа 1975 г. не произошёл инцидент, заставивший ФБР расконспирировать свою тайную операцию, и прямо повли-

явший на дальнейшее расследование. В тот день очередной приступ удушья с остановкой сердца перенёс некий Ричард Нили (Richard Neely), рабочий из Индианы в возрасте 61 года, служивший ранее танкистом. Нили удалось спасти, и когда он более или менее пришёл в себя, заведующая отделением Энн Хилл обратилась к нему с вопросом: «Кто с вами это сделал?» Ричард говорить не мог – на его лице находилась кислородная маска – но на протянутом ему блокноте он нацарапал нетвёрдой рукой «Narci». Стало ясно, что Нили что-то помнит...

Опасаясь того, что покушение на Нили повторится, агенты ФБР были вынуждены расконспирировать себя. Ричард Нили был вывезен из госпиталя и увезён в неизвестном направлении. Неофициально распространялась информация, будто его повезли в город Оцеола (Osceola) в штате Индиана, где Нили проживал до госпитализации, но на самом деле это было не так. Впоследствии выяснилось, что Нили доставили в город Саут-Бенд (South Bend), где поместили под охраной в доме, оборудованном как больничная палата. Там Ричард проходил лечение до полного выздоровления.

Не вызывало особых сомнений, кого имел в виду Нили, написав в блокноте «Narci». В отделении интенсивной терапии работала медсестра Филипина Нарсисо (Filipina Narciso), приехавшая в США с Филиппин. На момент описываемых событий ей исполнилось 29 лет, она проживала в Ипсиланти, городе-спутнике Энн-Арбор.

Однако в реанимационном отделении медсёстры не работают в одиночку. Поэтому имело смысл обратить внимание на того, с кем Нарсисо работала в паре. Выяснилось, что 15 августа вместе с нею работала 31-летняя Леонора Перез (Leonora Perez), также приехавшая в США с Филиппин. Леонора вместе с мужем Эпифанио (Epifanio) снимала дом в Энн-Арборе, чета воспитывала 2-летнего сына.

Изучение статистики подозрительных инцидентов в реанимационном отделении показало, что все они или почти все происходили в часы дежурств Нарсисо и Перез. Это открытие поставило обеих медсестёр в эпицентр расследования.

Слева: Филипина Нарсисо. Справа: Леонор Перез.

После 15 августа 1975 г. все инциденты, связанные с внезапной остановкой дыхания и сердечной деятельности, в реанимации VA Hospital прекратились. Очевидно, появление в больнице агентов ФБР напугало преступника (или преступников). Вместе с тем, из этого факта можно было сделать и иной вывод: все инциденты являлись результатом умышленных действий, а не игрой случая или ошибки. Понятно, что если бы «павулон» вводился вследствие, скажем, подмены лекарства на этапе производства или транспортировки, то подозрительные случаи продолжали бы происходить...

Изучая расписание работы Нарсисо и Перез в июле и первой половине августа 1975 г., сотрудники ФБР сделали очень интересное открытие. Они установили, что парочка дважды выходила на работу по субботам не в свои смены, и оба раза в реанимации происходили ЧП со смертельными исходами!

Начальник Службы персонала госпиталя – аналога Отдела кадров в структуре отечественных предприятий – Мартин Линденауэр (S. Martin Lindenauer) предпринял попытку покончить с этим делом с минимальными репутационными потерями. На протяжении второй половины августа 1975 г. он несколько раз приглашал Филипину Нарсису в свой кабинет и всячески склонял её к признанию вины. Линденауэр предлагал своего рода «размен»: Нарсиса признаётся в том, что ставила капельницы с «павулоном», не имея умысла убить больных, а юридическая служба больницы отказы-

вается от каких-либо материальных претензий в её адрес. Линденауэр явно хитрил, рассчитывая, как говорят в таких случаях, объехать медсестру на кривой кобыле, однако та раскусила манёвры начальника. Понятно было, что ФБР расследует уголовное дело и выплата денежных компенсаций – это не самое страшное, что может грозить обвиняемому. Поэтому Филипина Нарсисо заняла позицию полного отрицания вины.

Нельзя не признать того, что расследование, проведённое ФБР в конце лета и осенью 1975 г., дало двойственный результат. С Нарсисо и Перез удалось связать 15 эпизодов подозрительного ухудшения здоровья в результате введения непрописанного больным «павулونا». Из этих 15 эпизодов смерть больных закончилось 5, а в остальных 10 больных удалось спасти. Общее же число подозрительных инцидентов было много больше – по подсчётам одних врачей таких насчитывалось 27, другие утверждали, что их не менее 31, а кто-то даже говорил о более чем полусотне. Последнее число представляется совсем уж завиральным, если поверить в него, то получалось, что филиппинские медсёстры на протяжении 45 суток травили по 1 или более человеку каждый день, причём без выходных. Сложно было представить такой конвейер смерти... Тем не менее, фактом является то, что на начальном этапе расследования из 9 умерших от инъекций «павулона» ФБР связывало с Нарсисой и Перез только 5. Это рождало оправданный вопрос: а кто же убил

остальных?

Филипина Нарсисо и Леонор Перез.

На самом деле ФБР считало, что и во всех остальных случаях поработали те же самые шаловливые ручки, но доказать это было сложно или даже совсем невозможно. Поэтому следствие умышленно сократило «мартиролог», рассчитывая на то, что подобное уменьшение поможет обвинению в суде.

Объективно говоря, особых сомнений виновность Нарсисы и Перез не вызывала. Во всех вменённых им эпизодах больные получали инъекции «павулона» в те моменты времени, когда в реанимации никого из посторонних не было. В принципе, никто чужой вообще не мог войти в отделение интенсивной терапии, а уж тем более затеять возню с капель-

ницами больных... это выглядело совершенно нереально! Даже если кто-то и попытался бы такое проделать, то медсёстры обязаны были этого человека остановить. Их невмешательство – если предположить, что они просто не вмешивались в действия настоящего преступника – само по себе было преступным и безусловно предполагало уголовную ответственность. Ведь преступление не всегда выражается в активных действиях, порой бездействие также образует состав преступления. Поэтому во всех смыслах вина Нарсисы и Перез была налицо.

При этом нельзя не отметить того, что сам довод, заключающийся в том, что подозреваемые присутствовали в реанимации в момент совершения преступления, а значит уже виновны в его совершении, по американской юридической традиции относился к категории косвенных. Т.е. он не доказывал виновность непосредственно. Само деление доказательств на «косвенные» и «прямые», имеющееся в англо-американском праве, выглядит довольно странно, в российском уголовном законе такого нет. У американцев в этом отношении всё более запутанно и лукаво, считается, что обвинения по тяжким статьям недопустимо строить на одних только косвенных доказательствах. Хотя они могут быть очень красноречивы и, с точки зрения здравого смысла, совершенно исчерпывающе разоблачительны. Это была первая серьёзная проблема проводимого ФБР расследования.

Другая заключалась в том, что прокуратура, получив ма-

териалы Бюро, не определилась толком с мотивом преступлений, приписанных медсёстрам.

К тому времени американское правосудие уже сталкивалось со злонамеренными действиями медицинского персонала, направленными во вред здоровья больных. Считалось, что существовали два основных мотива подобных действий: а) избавление больного от тяжких страданий и б) использование материальных выгод, которые сулила его скоропостижная смерть. Возможно, определённое значение играло и субъективное осознание убийцей собственного всемогущества, иначе говоря, принимаемая им на себя «функция Бога», но в этом убийцы в белых халатах обычно не признавались. Также на некоторых убийц в качестве мотива до некоторой степени влияла та позитивная оценка коллег, которую они получали после спасения от приступа, который сами же и провоцировали (т.е., провоцируя у пациента кризис сверхдозой лекарства, а потом помогая его спасти, они повышали свой профессиональный авторитет и социальный статус).

Очевидно, что в случаях убийств пациентов VA Hospital подобного рода мотивы не годились для объяснения побудительных причин, которыми могли бы руководствоваться убийцы. Сбивало с толку то, что таковых было двое. Обычно «ангелы смерти», как обычно именуют в США медработников-убийц, действуют в одиночку. Никаких материальных выгод смерти больных убийцам не сулили. Многочисленные

смерти пациентов не повышали профстатус медсестёр, наоборот, привлекали к ним излишнее внимание и подозрения. Никто из отравленных «павулоном» больных не страдал неизлечимой болезнью, не жаловался на чрезмерные страдания и не настаивал на эвтаназии. В общем, с мотивом следствия так и не определилось, хотя, как представляется, он был довольно очевиден, но... не политкорректен. Поэтому, с точки зрения политической целесообразности и внутренних американских реалий, его лучше было не увидеть. Впрочем, мотивы мы коснёмся чуть ниже.

Несмотря на все описанные выше нюансы, федеральный Департамент юстиции посчитал возможным выдвинуть в отношении Нарсисо и Перез обвинения в убийствах 5 человек и в покушениях на убийство ещё 10 человек, проходивших лечение в июле-августе 1975 г. в VA Hospital. Обвинения поддерживали сотрудники федеральной прокуратуры Ричард Делонис (Richard Delonis) и Ричард Янко (Richard Yanko). Нарсисо защищал адвокат Томас О'Брайен (Thomas O'Brien), а Перез – адвокаты Эдвард Штейн (Edward Stein) и Лоренс Баргесс (Laurence Burgess). Первые слушания, посвящённые достаточности улик и подсудности обвиняемых, прошли в феврале 1976 г. в Детройте.

Фотоснимки 1976 и 1977 гг: обвиняемые в серийных

убийствах медсестры ветеранского госпиталя в Энн-Арбор в сопровождении своих адвокатов.

Обе обвиняемые находились в процедуре вхождения в гражданство США. Как только против них были выдвинуты обвинения, Госдепартамент США заморозил процедуру, что впоследствии считалось одним из свидетельств правового произвола и источником всевозможных страданий как обвиняемых, так и их близких.

Адвокаты просили отпустить обвиняемых под залог, суд назначил таковой в размере 150 тыс.\$, т.е. по 75 тыс.\$ с каждой обвиняемой. Таких денег у них не нашлось, и они отправились за решётку.

Там Леонор Перез родила второго сына.

А далее произошло необычное, то, что прямо повлияло на весь ход событий. В дело вмешался Пасифико Маркос, младший брат филиппинского диктатора Фердинандо Маркоса. Пасифико возглавлял «Philippine Medical Association». Сия ассоциация занималась не только и не столько здравоохранением населения страны, сколько экспортом медицинских кадров за пределы Филиппин. Страна была очень бедна и управлялась жестоким диктатором Маркосом, поэтому экспорт рабсилы являлся в 1960-1980-х гг. одним из самых эффективных инструментов пополнения государственного бюджета. Отправлявшийся за пределы Филиппин человек получал от властей специальное разрешение и в дальнейшем

платил налог с заработка. Кстати, мало кто знает, но подобную систему «экспорта рабсилы» в 21 веке взял на вооружение Таджикистан, нынешние таджикские трудовые мигранты действуют отнюдь не самостоятельно – нет! – они выезжают в рамках особой госпрограммы, участие в которой платное [то есть за право уехать работать в другую страну они платят определенный налог своему государству].

Пасифико Маркос заявил, что дело против Нарсисо и Перез является судебной ошибкой. И пригрозил, что в случае неблагоприятного его исхода (читай – осуждения обвиняемых) филиппинские власти отзовут всех своих граждан, работающих в американских больницах. По состоянию на начало 1976 г. речь шла, по меньшей мере, о 30 тыс. медсёстрах!

Далее начались удивительные фокусы. Некие неравнодушные жители Энн-Арбора создали благотворительную организацию под говорящим названием «Комитет защиты Нарсисо и Перез» (англ. «Narsico/Perez legal defense committee»). Организация озаботилась поиском денег для внесения залога и оплаты адвокатов. Невероятно, но деньги появились! Сначала была собрана сумма, необходимая для залога (150 тыс.\$), а потом и адвокатской команды (это ещё 350 тыс.\$). Некоторое время считалось, что деньги собрал «Комитет защиты», но ФБР, проведя небольшое расследование, установило, что реально «Комитет» получил взносы всего на 15 тыс.\$, из которых 4 тыс.\$ ушли на организаци-

онные расходы и выплаты работникам самого фонда.

Пасифико Маркос, младший брат филиппинского диктатора Фердинанда Маркоса, принял непосредственное участие в истории, связанной с обвинением Нарсисо и Перез в серийных убийствах.

Понятно, что деньги шли прямым образом от Пасифико Маркоса, и его действия представляли собой ни что иное, как вмешательство в отправление правосудия. Задумайтесь на секундочку, какую бы реакцию в США вызвали такие же точно действия представителя Российской Федерации... Вот арестовали американцы двух медсестёр из России по обвинению их в серийных убийствах, а руководитель какого-либо нашего федерального ведомства заявил бы, что имеет место судебная ошибка, учредил бы фонд в защиту арестованных

и выдал бы деньги на залог и адвокатов. Думаю, что всякие там CNN и BBC от такой новости просто порвались бы в лоскуты, и вопли их журналистов о «вмешательстве России» и «манипулировании общественным мнением» неслись бы из всех американских утюгов не один месяц.

Но не зря же говорится: «Два мира – два Шапиро»! В 1976 г. ничего подобного не случилось. А случилось совсем иное. Американские новостные передачи и газетные публикации одновременно наполнились жалостливыми репортажами о судьбах арестованных... начались рассказы о том, сколько весил рождённый Леонор Перез в тюрьме мальчик... как страдают родные и близкие арестованных... как больно им оттого, что Госдепартамент остановил процедуру получения гражданства, а потому у мужа Леонор появились проблемы с работой.

В общем, быстро и почти незаметно убийцы превратились в невинных агнцев. И что самое забавное, почему-то никто из защитников «невинно пострадавших» медсестёр не хотел задаться вопросом: как же так получалось, что во время их дежурств яд попадал в капельницы больных? О больных и убитых никто уже не вспоминал.

VA Hospital Buys One Version Of Nurses' Trial

By John Hartman

care workers

San Arthur VA Hospital administrators used federal money and free mailing privileges to purchase and distribute about 1,000 copies of a monthly newspaper's account of the trial and conviction of two former nurses accused of poisoning patients.

Hospital director Arnold Moush acknowledged that 1,000 copies of the San Arthur Observer, which is distributed locally for free, were purchased by the hospital at a cost of 10 cents each. At least 300 copies were mailed.

"It is not unusual in the case," said government spokesman accompanied by a note from Moush printed in the hospital's internal newsletter.

"The rest were distributed to hospital employees, friends and

relatives," Moush said.

CRITICS OF THE Observer series, which appeared in the September issue, have labeled the stories as "biased against the nurses and extremely gross—the oriented."

"The hospital officials, however, have printed the stories as 'balanced, accurate, correct, and objective'."

"It is the newspaper I've read that tells the whole story and tells it accurately," explains Gary Calhoun, administrator assistant to the hospital's chief of staff.

Moush said copies of the newspaper were bought because the office had "received a number of inquiries for them," including the conviction of former nurse Leticia Perez and Patricia Hernandez.

"WE CONSIDERED using the trial transcripts itself," Moush explained, "but that runs to several thousand pages. We decided to purchase about 1,000 copies because we wanted to give people as much information about what happened here as we could."

Moush said "at least 300 copies" were mailed to government employees in "hospital newsletters." Each copy of the newspaper was accompanied by a note from Moush printed under the hospital's internal newsletter which tells readers that on page two of the Observer is a "complete article" which you will find after the next meeting.

Although Moush and Calhoun said copies were mailed only to persons who wanted them, Richard Collins of the hospital said he has seen very small in-

terviews of the nurses' conviction, said he received one, "and I cannot tell about it."

MUSK REPLYING told Calhoun he must be mixed up with close of hospital volunteer workers to counties, Calhoun, however, said it was "not appropriate" Collins to return the paper.

"He has written on several times," Calhoun said, "and this served as a response to information he wanted. I think we have an obligation and a duty to give anyone an objective review of the entire incident."

Calhoun pointed out of free federal mailing privileges "because this is a federal institution and federal institutions don't pay postage."

"This was considered official busi-

ness, we interpreted it as official business," he added.

Authorities at the hospital admitted that the copies of the Observer contained the only newspaper accounts to be distributed in a large scale under hospital sponsorship.

"FRANKLY," CALHOUN said, "the San Arthur Press, the Detroit Free Press and other media just did not give an objective, accurate account of the trial."

But Mike Price of San Arthur, one of the organizers of the Vietnam-Veterans defense fund, disagreed.

"Most of the efforts were obviously spread by the hospital," he said, "the prosecution," he said. "It's our perception that it takes a very honest view of the case."

The man who wrote the Observer's lengthy story, Jim Hunt, denies the charge.

"WE WORKED closely with the prosecution," he said, "but everything was checked out with the jury. There was no collusion with hospital authorities at all."

Hunt also confirmed that the hospital bought 1,000 copies of the September issue, then last week added for another 1,000.

"But we didn't have any," Hunt said, "I didn't know what they had in mind when they bought them, but I guess they were extremely disturbed about the article, they said it expressed their point of view which they felt had been badly misjudged elsewhere."

Nurse Group Asks Hospital Probe

LANDING (AP) — A congressional investigation of the Veterans Hospital in San Arthur, the scene of recent trials of which two nurses were convicted, is

that tests reports and common under his control and favorable to defense were not made available until they were demanded by the defense.

"Wonderful" VA Hospital Employees Happy About Judge's Decision

in which they

and the hospital's internal newsletter which tells readers that on page two of the Observer is a "complete article" which you will find after the next meeting.

VA Nurses Verdict Correct, U.S. Says

DETROIT — Federal government attorneys here today said that sufficient evidence to support public workers against the former San Arthur VA Hospital nurses convicted of poisoning patients.

In a charge discussed first in the Detroit Free Press, the attorneys argued that the nurses' conviction was correct, and that the hospital's internal newsletter which tells readers that on page two of the Observer is a "complete article" which you will find after the next meeting.

С середины 1976 г. в американских средствах массовой информации развернулась кампания в защиту Perez и Нарсисо.

Освобождение Филиппины Нарсисо и Леонор Perez из-под стражи под залог подавалось как триумф справедливости и здравого смысла. Дамочки, явно действовавшие по подсказке неких кукловодов, перешли в контрнаступление.

Они приняли участие в большом количестве разного рода демонстраций в собственную защиту. Мероприятия эти широко освещались средствами массовой информации — ну ещё бы! — такой инфоповод. Медсёстры с удовольствием давали интервью, хватались за микрофон, носили транспаранты и вообще деятельно торговали лицом.

К обеим приехали родители, и их встреча в аэропорту тоже явилась темой для местных ТВ, газет и радиостанций.

Приезд родителей к обвиняемым в убийствах медсёстрам дал пищу для массы публикаций и ТВ-репортажей, преисполненных пафоса и всяческих восторгов. Выглядело всё это очень странно и совершенно неуместно, журналисты словно потеряли память и как будто позабыли, что рассказывают они о женщинах, подозреваемых в тяжких и отвратительных преступлениях. Может быть, не следовало расточать восторги хотя бы из уважения к жертвам преступных посягательств? Вопрос, впрочем, риторический, честный и совестливый журналист во все времена и при всякой власти был большой редкостью...

После освобождения под залог Нарсисо и Перез сделали заявления, в которых в схожих выражениях сообщили о преследованиях со стороны Мартина Линденауэра, упоминавшегося выше начальника Службы персонала госпиталя.

Линденауэр, дескать, в августе 1975 г. вызывал их в свой кабинет, где всячески грозил и запугивал, требуя признания вины.

Честно говоря, сложно понять суть этих претензий. Линденауэр имел все основания для беспокойства и, сознавая свою ответственность за персонал больницы, пытался решить возникший кризис с минимальными потерями для лечебного учреждения. Он не применял насилия, не лишал свободы, он лишь разговаривал с подозреваемыми и пытался воздействовать на них словом. Что такого ужасного он делал – понять невозможно. В этой связи остаётся добавить, что Мартин Линденауэр являлся не только административным работником, но отличным практикующим сосудистым хирургом, наставником молодёжи и научным работником. Он автор более чем 130 научных статей и 35 глав в научных сборниках, т.е. этот человек по своей культуре, мышлению и поведению отнюдь не гангстер и не костолом. Всерьёз относиться к утверждениям, будто он кому-то там грозил, запугивал каким-то ужасным ужасом и делал что-то непотребное с несчастными медсёстрами, никак нельзя.

Справа: медсёстры перед пресс-конференцией, на которой рассказали о запугиваниях со стороны Линденауэра, которым якобы подверглись в августе и начале сентября 1975 г. Справа: одна из демонстраций в поддержку Нарсисо и Перез.

Непонятно было, как относились приписываемые Линденауэру преследования, якобы имевшие место в августе-сентябре 1975 г., к событиям 1976 г., но факт остаётся фактом – американские средства массовой информации приняли активно обсуждать эту тему. Поймали, так сказать, брошенную кость...

Мартину Линденауэру пришлось оправдываться. Он сделал специальное заявление, в котором объяснил, что встречи и беседы с персоналом входят в круг его служебных обязанностей и его общение с Нарсисо и Перез всегда оставались в рамках закона и допустимых приличий. Сам факт того, что уважаемому доктору пришлось оправдываться от облыжных обвинений, высказанных – секундочку! – обвиняемыми в се-

рийных убийствах, представляется абсурдным. Тем не менее, из песни слов не выкинуть!

Мартин Линденауэр.

В ФБР, по-видимому, поняли, что процесс выходит из-под контроля и надо что-то делать.

Изучив статистику отделения реанимации, сотрудники ФБР расширили список подозрительных инцидентов, которые могли быть связаны со злонамеренными действиями Нарсисо и Перез. Число случаев неожиданной остановки дыхания и спада сердечной деятельности увеличилось до 51, первые из них имели место ещё в июне 1975 г., а последний произошёл 28 августа 1975 г. Тогда в палате интенсивной терапии скончался 46-летний Бенни Блэйн (Bennie C. Blaine). Все инциденты происходили по единой схеме: во время де-

журств Нарсисо и Перез в интервале времени от 16 до 24 часов, когда в палатах либо не было другого медперсонала, либо находился один человек, обычно медсестра. Инциденты не происходили в тех случаях, когда Нарсисо и Перез дежурили порознь, что, по мнению обвинения, свидетельствовало о наличии сговора между обвиняемыми и разделении обязанностей. Самому молодому из умерших от «павулона» больных исполнилось только 29 лет, самому старшему – 87.

Прокуратура решила подвергнуть гипнозу главного свидетеля обвинения – Ричарда Нили – предполагалось, что тот сможет вспомнить какие-нибудь важные детали и существенно укрепить линию обвинения. Для проведения сеанса гипноза был приглашён Герберт Шпигель (Herbert Spiegel), опытный и широко известный психотерапевт-гипнолог. Можно сказать, что ФБР нашло для работы с ценным свидетелем одного из лучших гипнологов того времени. О нём довольно много информации в интернете, любой желающий может углубиться в историю жизни этого необычного человека, но здесь нельзя не отметить того, что Шпигелю на тот момент уже исполнилось 62 года, он являлся создателем собственной методики лечения посттравматического синдрома посредством обучения больного приёмам самогипноза. Он пользовался большим и вполне заслуженным уважением профессионального сообщества. Герберт Шпигель прожил долгую и насыщенную жизнь, принял участие в некоторых интереснейших медицинских исследованиях

и криминальных расследованиях. Он умер в 2009 г., правда, в написанных им книгах ничего нет об истории Ричарда Нили.

Сеанс гипноза был проведён и оказался довольно любопытен. Нили, находясь в состоянии транса, вспомнил, что к нему подходила Филипина Нарсисо и шприцем вводила какую-то жидкость в капельницу, после чего осталась стоять возле кровати, наблюдая за реакцией Ричарда. Через считанные секунды Нили почувствовал удушье, лёгкие словно отказались дышать. Из последних сил он закричал: «Помогите!» – но Нарсисо вместо того, чтобы оказать помощь, повернулась и побежала прочь от кровати. В реанимационном отделении кроме неё находилась Леонор Перез, и Ричард Нили продолжал кричать, рассчитывая на её помощь. Перез, однако, так и не подошла к нему, хотя Нили был уверен, что Леонор не могла не слышать его. Нили потерял сознание от удушья, так и не дождавшись помощи...

Герберт Шпигель прожил долгую жизнь (95 лет) и участвовал в довольно любопытных научных исследованиях и уголовных расследованиях. Довелось ему допрашивать под гипнозом и Ричарда Нили, хотя сам врач об этом предпочитал не вспоминать.

Рассказ Нили в состоянии гипнотического транса полностью подтвердил предположение следствия о вовлечённости в преступления обеих медсестёр, хотя никак не прояснил мотив их действий. Видеозапись допроса под гипнозом и его 13-страничный протокол были переданы федеральному судье Филиппу Прадту (Philip Pratt), который счёл их допустимым доказательством и приобщил к материалам.

А вот дальше произошло неожиданное. 2 октября 1976 г. судья Пратт отозвал собственное разрешение и заявил, что результаты допроса Нили под гипнозом нельзя представлять

в суде, на них нельзя ссылаться и упоминать об их существовании.

Одновременно с этим в средствах массовой информации началась беспрецедентная атака на Нили. Журналисты отыскивали массу всевозможных соседей, коллег и бывших сослуживцев Ричарда, которые в один голос стали рассказывать о его дурном характере, злобном нраве, расистских взглядах, нелюбви к выходцам из Юго-Азиатского региона. Вся Америка узнала, что Нили – алкоголик, никчёмный человечешко, живёт лишние 20 лет и небо копит почём зря.

Заказной характер такого рода комментариев сомнений не вызывал.

Суд над медсёстрами проходил в Детройте с апреля по июль 1977 г. в обстановке крайнего эмоционального накала. Перед зданием федерального суда ежедневно на протяжении всего процесса собирались демонстрации и одиночные пикеты в поддержку обвиняемых. В отдельные дни у здания собиралось до 200 человек, демонстрировавших солидарность с «жертвами неправомерного обвинения». Сложно сказать, верили ли все эти люди в невиновность медсестёр и согласились бы они лечиться у них... Аргументация прокуратуры выглядела очень логичной и разумной. Невозможно было поверить в то, будто медсестёр подставил некий злокозненный враг, сваливший на них свою вину. Да и в трагические совпадения не верилось категорически, ведь речь шла о многих десятках случаев! Ну, какие могут быть «сов-

падения» при такой статистике?!

Перед зданием федерального суда на протяжении всего судебного процесса над медсёстрами-филиппинками проходили демонстрации и пикеты в поддержку обвиняемых. Некоторые из этих мероприятий собирали до 200 человек. Сложно поверить, что все эти люди действовали бескорыстно и в самом деле верили в невиновность подсудимых. Хотя... Наполеон не зря ведь говорил о безграничности человеческой глупости!

Защита обвиняемых, не признавая сам факт виновности медсестёр, напирала на то, что среди жертв убийств «павулоном» были очень больные и притом весьма пожилые люди, некоторым из которых было далеко за 70 и даже за 80 лет. По логике защиты, их убийства, даже если таковые и име-

ли место, являлись актами милосердия и не должны были считаться убийствами. То же касалось и последней жертвы – Бенни Блейна – хотя ему было только 46 лет, он тяжело болел и за 5 недель перенёс 4 операции. По логике защиты, учёт подобных нюансов требовал изменения формулировок обвинения, и суд в принципе не должен был рассматривать обвинение медсестёр в совершении убийств. Аргументацию следовало признать очень странной, но у защиты лучших доводов не нашлось, поскольку совпадения случаев смерти от инъекций «павулона» со временем работы обвиняемых, даже в случае изменения их графика выходов на работу, выглядели убийственно убедительно.

Июль 1977 г.: одна из многочисленных демонстраций в защиту Нарсисо и Перез с их собственным участием возле здания VA Hospital. На фотографии справа можно видеть медсестёр, требующих в отношении самоё себя справедливого

правосудия.

Эксперт обвинения Фрэнсис Фолдис (Francis Foldes), анестезиолог и фармацевт, рассказал суду и присяжным об особенностях воздействия «павулона» на человеческий организм. По мнению эксперта, у больного, получившего этот препарат в виде внутривенной инъекции, очень быстро развивался паралич сначала дыхания, а потом сердечной деятельности, при этом жертва оставалась в сознании до тех пор, пока в лёгких присутствовал кислород. Фолдис заявил, что такая фаза полного осознания «выключения» органов могла продолжаться до 90 секунд. Сложно вообразить, что чувствовал и о чём думал в эти секунды умирающий... Основываясь на оценках Фолдиса, один из обвинителей на процессе – Ричард Делонис – в своём последнем слове назвал поступки филиппинских медсестёр «самой отвратительной серией преступлений в истории человечества» (дословно: «the most heinous series of crimes in history of mankind»).

Не согласиться с Делонисом сложно. Медицинский работник, подло и расчётливо убивающий больного, которого он призван спасать, притом убивающий его с причинением тяжких мучений, – это действительно за гранью понимания. Даже смертная казнь по приговору суда проводится таким образом, чтобы не причинять приговорённому избыточных страданий (по крайней мере, в цивилизованных странах, Саудовскую Аравию и Пакистан выносим за скобки). А тут –

медсёстры, работники реанимации, убивают больных изощрённо и безжалостно!

13 июля 1977 г. после прения сторон присяжные удалились на совещание.

Филипина Нарсисо, по версии правоохранительных органов, непосредственно вводила «павулон» жертвам, в то время как Леонор Перез прикрывала её, проще говоря, «стояла на стрёме». В случае внезапного появления кого-то из персонала Перез отвлекала на себя внимание и принимала деятельное участие в реанимационных мероприятиях. Нарсисо присоединялась к ним чуть позже, отчего у окружающих складывалось впечатление, будто её не было в отделении в момент начала инцидента и она подошла только что. Подобное распределение обязанностей, по мнению обвинения, доказывало продуманность и взаимную обусловленность по-

ведения преступниц. Вместе с тем обвинение считало, что медсёстры время от времени менялись ролями, дабы сбить с толку потенциальных свидетелей и не позволить окружающим обнаружить наличие закономерности в происходящем.

Предполагалось, что совещание жюри может затянуться до октября. Напомним, что обвинение было очень большим – речь шла о 51 эпизоде, по каждому из которых вменялись несколько статей («сговор с целью убийства», «покушение на убийство» или «убийство», кроме того, если в отношении одного и того же человека предпринималось несколько попыток умерщвления, то каждая попытка рассматривалась как самостоятельное преступление). Члены жюри, проведя в заседаниях в общей сложности 92 часа, постановили считать вину медсестёр доказанной. Это решение вызвало шок как обвиняемых, так и их адвокатов. Защита потерпела полный провал, что, казалось, делало вынесение самого тяжкого приговора неизбежным...

Однако судья приговор вынести не успел. Вмешался федеральный Департамент юстиции, который остановил судебный процесс, постановив, что члены жюри принимали решение в обстановке ажиотажа, нагнетаемого средствами массовой информации, а потому не могли быть непредвзяты.

Ситуация сложилась очень странная: вердикт жюри присяжных состоялся, а судья приговор так и не вынес! Суд более не собирался и формально он даже сейчас остаётся

незавершённым (если быть совсем точным, то он считается «остановленным»). Обвиняемые остались на свободе и быстро покинули страну, поскольку, по-видимому, это им было рекомендовано американскими властями в целях обеспечения личной безопасности. Может быть, впоследствии Перез и вернулась – ведь её дети, рождённые в Штатах, имели гражданство США! – но таких деталей автор выяснить не смог.

Ричард Делонис 13 августа 1977 г. дал 2,5-часовое интервью газете «Энн-Арбор ньюс», в котором обстоятельно рассказал о расследовании, проведённом ФБР, и суде над медсёстрами.

Можно сказать, что история на этом закончилась. Но не совсем... на следующий год последовала серия исков от лиц, признанных потерпевшими в деле об отравлении в госпитале ветеранов вооружённых сил в Энн-Арбор. Наибольшую компенсацию получила Кора Ли Блэйн, вдова

Бенни Блэйна. Администрация VA Hospital по решению суда выплатила ей 1 877 876,35\$.

Вот на этом история с отравлением «павулоном» больных в госпитале ветеранов вооружённых сил в Энн-Арбор действительно закончилась.

Считается ныне, что преступление не раскрыто и убийца не назван. А это неверно, правильнее говорить, что виновные были установлены, но в силу юридического волюнтаризма, проявленного Департаментом юстиции США, суд был остановлен и убийцы остались не наказаны.

Как такое могло произойти? Почему вообще такое стало возможным? Вина Нарсисо и Перез сколько-нибудь серьёзных сомнений не вызывает, так почему же убийцы ушли от возмездия?

Думается, сработало несколько факторов. Прежде всего, не следует недооценивать угрозу Пасифико Маркоса отозвать медицинский персонал из США. Вряд ли филиппинские граждане и гражданки рискнули бы пренебречь его требованием вернуться на Родину, если бы Маркос таковое озвучил. Скорее всего, медсёстры и медбратья молча сложили бы чемоданы и стройными рядами двинулись в родные пампасы, ведь там находились в заложниках власти их родные и близкие. А при таком раскладе немногие откажутся подчиниться!

Но дело, скорее всего, не только в способности тоталитарного филиппинского руководства командовать своими со-

гражданами. Сработали соображения совсем иного порядка. После тяжёлого и унижительного поражения во Вьетнаме авторитет США в мире вообще – и в странах Юго-Восточной Азии в частности – заметно пошатнулся. Но именно поэтому возросла важность хороших отношений США с филиппинским диктатором Фердинандом Маркосом. Последний всегда сохранял полную лояльность Штатам, на Филиппинах находилась одна из крупнейших военно-морских баз США на Тихом океане – Субик-Бей, – в годы вьетнамской авантюры филиппинские военнослужащие принимали деятельное участие в операциях старших партнёров. Американским властям глупо было ссориться с надёжнейшим вассалом из-за нескольких отравленных пенсионеров!

Вполне возможно, снисходительное отношение к медсёстрам-убийцам могло стать своего рода жестом доброй воли со стороны американцев. Здесь скорее следует удивляться не их уступчивости – эти ребята умеют уступать много и часто – а тому, что Пасифико Маркос «вписался» за совершенно рядовых сограждан. Почему он так поступил, сказать сейчас точно вряд ли кто-то сможет, возможно, подобной патристичности от него требовала внутриполитическая обстановка, а может, при принятии решения работали какие-то иные соображения. Как бы там ни было, Маркос открыто выступил против американской правовой системы и сумел эту систему перебороть.

Вот такой вот факт! Он, кстати, замечательно иллюстри-

рует пресловутую «независимость» американского правосудия. Оно вполне себе зависимо от политического руководства и прекрасно управляется разного рода соображениями «политической целесообразности». Если Власти надо, чтобы было принято определённое решение – оно будет принято, не взирая на дух и букву Закона. Так что, дорогие читатели, поменьше иллюзий насчёт «независимости», «неподкупности» и «честности» американской правовой системы. Если кто-то не верит автору и считает мой тезис политизированным и предвзятым, что ж, тому рекомендую посмотреть американские документальные фильмы на эту тему, навскидку назову парочку (на самом деле таковых фильмов много больше!): «Тонкая голубая линия» («The thin blue line», 1988 год выпуска) и «Невиновный» («The innocent man», выпущен в 2018 г.). Ещё раз подчеркну: фильмы документальные, сняты самими американцами, это не пропаганда Кремля и не журналистские бредни про «Бук» из Курска, якобы свивший рейс МН17, или «хакеров» из Москвы, якобы избравших Дональда Трампа президентом США.

В общем, дорогие читатели, поменьше иллюзий в отношении наших американских партнёров!

VA death lawsuit refiled

An Ypsilanti widow has re-instituted a \$1.8-million lawsuit blaming the Ann Arbor VA Hospital for the death of her husband in 1975.

Февраль 1979 г.: одна из заметок в местной газете с сообщением о вынесении судебного решения в пользу Кору Ли Блэйн, вдовы Бенни Блэйна, по её иску о материальной компенсации к госпиталю ветеранов вооружённых сил в Энн-Арбор.

Заканчивая историю отравлений в госпитале ветеранов вооружённых сил в Энн-Арборе летом 1975 г., нельзя не сказать несколько слов о возможном мотиве, направлявшем действия убийц в белых халатах. Автор осмелится высказать собственное суждение по этому вопросу, но чтобы быть правильно понятым, предварит его необходимым отступлением.

Пару десятилетий тому назад мне довелось довольно плотно общаться с женщиной-филиппинкой. На тот момент она являлась женой голландского бизнесмена, была младше своего супруга более чем на 40 лет и прожили они тогда

в Санкт-Петербурге почти год. В силу объективных причин уклоняться от этого общения не представлялось возможным, так что приходилось порой и вино с нею пить, и разговоры долгие разговаривать.

Пока супруг её ковал на берегах Невы свои миллионы, молодая жена маялась от безделья и не знала, чем себя занять. Познакомилась с горничными в отеле, где жила, и, нацепив расшитый передник и халат, ходила с ними на уборки номеров. С удовольствием намывала чужие джакузи и унитазы, поила вином гостиничную службу, а по вечерам тащилась в казино, благо таковые тогда в Питере ещё имелись. В общем, дамочка была своеобразная, без стопоров и тормозов. Не побоюсь сказать, безмозглая.

Женщина имела очень бурные детство и молодость, в 12 лет любящий папа продал её в бордель в Японию, буквально за руку отвёл к сутенёру, получил деньги «на карман» и отчалил на свою малую Родину. Сутенёр переправил девочку в Японию, там ей сделали зубы и пластику лица, что позволило будущей подданной Голландского Королевства подняться в местной пищевой иерархической цепочке. Там-то, в японском борделе, она и познакомилась со своим будущим мужем. Из сего бэкграунда дамочка тайны не делала, с удовольствием рассказывала об азиатских борделях, проститутках и тамошних традициях работоторговли. Звучало всё это совершенно омерзительно, особенно, когда такое рассказывает с чужих слов не стеснительный и косноязыч-

ный youtube’r, а непосредственный участник всей этой нарко-порнографической движухи. Речь, впрочем, не о борделях и сексе, а о филиппинках и их специфических нравах.

Поразила она меня совершенно удивительной ненавистью к американцам. Американцев много где не любят, правильнее сказать, что их не любят везде, кроме Украины, но отношение филиппинки и её рассказы выходили за пределы рационального восприятия. Она реагировала на американцев, как собака на кошку...

Это было тем более удивительно, что Филиппины всё время оставались в орбите американского влияния. Об этом упоминалось выше, но нелишне сказать ещё раз. На территории страны было много военных баз США, вокруг которых складывалась целая индустрия обслуживания, разумеется, глубоко криминализованная. Филиппинцы связывали с американцами – по крайней мере, во второй половине 20-го столетия – все беды своей страны, прежде всего нищету, разврат, всеобщее падение нравов, распространение наркотиков, цунами венерических заболеваний. Сами себя филиппинцы считали истинными католиками, что, правда, ничуть не мешало им продавать собственных дочерей в бордели... Так вот, истинные католики-филиппинцы воспринимали американских военнослужащих как самых настоящих слуг дьявола.

Интересно то, что моя филиппинская знакомая подобное восприятие американцев вынесла из детства и сохранила

на всю жизнь. Даже став человеком глубоко космополитичным, покатавшись с мужем по всему миру, увидев его глянец и изнанку, она не изменила оценок, заложенных семьёй и вынесенных из детства.

Впервые услышав о медсёстрах-отравительницах, автор моментально провёл параллель с тем, что слышал от своей знакомой в конце 1990-х гг. Есть такое понятие – лыко в строку – так вот её рассказы о поведении американцев на Филиппинах и явились тем лыком. Поэтому, говоря о мотиве, которым, возможно, руководствовались Нарсисо и Перез, автор позволил бы себе определить его следующим образом: не поддающееся контролю чувство неприязни по признаку государственной принадлежности (или, если угодно, ненависти по признаку государственной принадлежности). Причём неприязнь эта не приняла форму политического протеста, а выразилась в форме личной мести.

Филиппинцы, если не все, то очень многие, искренне ненавидели американцев, обвиняя их в бедах родной страны, но при этом они хотели попасть в Штаты на заработки. Там их ждала сытая цивилизованная жизнь, нормальная работа, защищённая мощными профсоюзами, социальные гарантии, достойный заработок... Такой вот интересный дуализм, который мне казался странным и тогда, и сейчас, но для филиппинцев и филиппинок противоречия в этом не существовало.

Когда Нарсисо и Перез освоились в Штатах, они позво-

лили себе дать волю национальной неприязни, гнездившейся в их душах. Их ненависть не была персонализирована – они ненавидели чохом всех американских военнослужащих. Убивая кого-то из них, они реализовывали свою потребность в превратно понимаемом религиозном воздаянии. Быть может, они даже думали, что делают благое дело, спасая для будущей вечной жизни души грешных «гринго»...

Автор не настаивает на исчерпывающей полноте собственного предположения, но интуиция подсказывает, что оно не очень далеко от истины.

И сотрудники ФБР, занимавшиеся расследованием, что-то подобное подозревали. Но эту опасную тему они педалировать не стали, поскольку всё, что связано с враждой на национальной почве, чревато самыми неожиданными осложнениями... В Америке на руках жителей много оружия, вдруг кто-то в отместку возьмёт в руки берданку и пойдёт отстреливать филиппинских эмигрантов! Зачем провоцировать агрессию? Намного правильнее заявить, что следствие не определилось с мотивом, дескать, догадайтесь сами.

Нельзя не признать того, что история преступлений Нарисо и Перез очень необычна. С одной стороны, содеянное ими вряд ли можно считать серийными убийствами в классической интерпретации этого термина. Действительно, в том, что и как делали медсёстры, нельзя усмотреть сексуальную агрессию, депрессию и личностные проблемы. Но и актами террора или диверсией эти деяния также на-

звать никак нельзя. Перед нами удивительный суррогат цинизма и безжалостной мстительности. Медсёстрам показалось, что они могут убивать, не привлекая к себе внимания, и они немедленно этой возможностью воспользовались. Поразительная инфантильность и удивительное бессердечие!

История Гадкого утёнка, так и не ставшего Белым Лебедем

Южная Каролина в начале 70-х гг. прошлого века являлась воплощённым в яви кусочком райского сада – мягкий субтропический климат, экзотические леса, благодатная для сельскохозяйственных работ почва.

Плюс к этому – отличные дороги, дешёвое жильё и питание, одним словом – изобилие во всём. Мафиозные войны и гангстерский беспредел гремели где-то очень далеко – в крупных портовых городах и финансовых центрах, где-то там, в Нью-Йорке, Чикаго, Лос-Анджелесе, во Флориде и Калифорнии. А в Южной Каролине уличный криминал сводился в основном к почти невинным правонарушениям вроде слива бензина из баков припаркованных на улицах автомашин (с минимальным материальным ущербом, поскольку топливо было очень дешёво). Крутые же преступники угоняли и разбирали на запчасти автомашины, а совсем уж отвязные могли влезть в незапертый дом и похитить пару сотен долларов – последнее считалось уже серьёзным ЧП в масштабе округа. В общем, преступные проявления в Южной Каролине были направлены в основном против имущества, а не личности, а потому район этот в целом не считался опасным. Убийства, конечно, тоже случались, но они в основ-

ном были связаны с разборками в преступной среде и мало беспокоили рядовых обывателей. В самом деле, разве кого расстроит, если Джон-Кривое-Рыло отрубит пару пальцев, а потом пристрелит Билли-Откусанное-Ухо? Или если случится обратное? Ровным счётом никого, кроме самих Билли и Джона, разумеется...

Именно поэтому обнаружение неопознанных человеческих останков в лесах вдоль просёлочных дорог должно было послужить для местных правоохранителей сигналом серьёзного неблагополучия. Находки эти начались с февраля 1970 г., и к ноябрю были найдены уже три скелетированных трупа. Все останки принадлежали женщинам до 30 лет, погибшим насильственной смертью, частично или полностью обнажённым. Они не соответствовали описаниям находившихся в розыске без вести пропавших жителей штата. Это наводило на мысль, что погибшие оказались в Южной Каролине проездом и не имели здесь родственников, которые стали бы их разыскивать. Ни в одном из трёх случаев документов, удостоверяющих личность, при осмотре мест обнаружения останков найти не удалось, и кем были эти женщины при жизни, установлено не было. Мало кто сомневался в том, что смерть каждой из трёх неустановленных женщин явилась следствием преступления. Два тела были найдены в округе Самтер, практически в самом центре штата, а одно – в округе Чарлстон, расположенном на Атлантическом побережье Южной Каролины.

В середине ноября 1970 г. пропали без вести две совсем молоденькие девушки, жительницы округа Самтер Джанис Кирби (Janice Kirbi) и Патрисия Олсобрук (Patricia Alsobrook). Первой из них было 15 лет, второй – 17 лет. За последние два года это был первый подобный случай. Не то чтобы подростки не убегали в округе Самтер раньше – нет, такое, разумеется, случалось и прежде, но обычно побег из дома предваряются семейными скандалами и угрозами уйти от родителей. В данном же случае ничего подобного не происходило, более того, обстановка накануне исчезновения девушек совершенно не соответствовала внутрисемейной склоке.

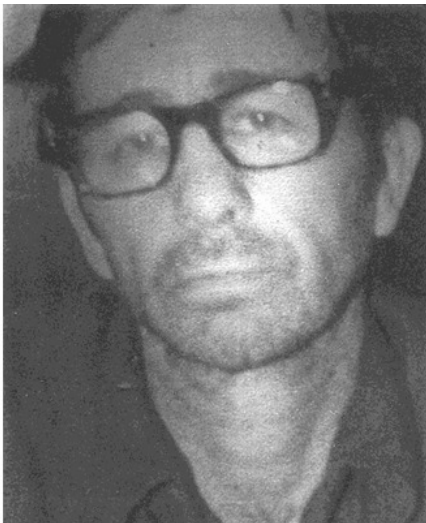
Джанис и Патрисия побывали в гостях, на семейном празднике друзей Кирби, где много и непринуждённо общались с присутствовавшими. Ближе к полуночи, когда девушек понадобилось отвезти домой, оказалось, что отец и мать Джанис сильно нетрезвы и сесть за руль не могут. Кроме того, им хотелось продолжить вечеринку. Отвезти подружек домой вызвался сводный дядя Джанис, 37-летний Дональд Гаскинс, очень спокойный и малопьющий мужчина, души не чаявший в своей племяннице. Он-то и повёз обеих девушек в своей автомашине.

Исчезновение 15-летней Джанис Кирби в ноябре 1970 г. должно было послужить для службы шерифа округа Самтер предупреждением о серьёзном неблагополучии на подведомственной территории. Этого, однако, не произошло. Предстояло погибнуть ещё очень многим людям, прежде чем правоохранительные органы Южной Каролины наконец-то осознали, что где-то рядом находится очень опасный противник, который никогда не остановится добровольно.

Вот только поутру выяснилось, что ни одна, ни вторая дома так и не появились. В службе шерифа округа Самтер хорошо знали, что Дональд Гаскинс – опасный уголовник, довольно известный в криминальной среде. Репутацию

свою Гаскинс заработал давним убийством, совершённым во время тюремной отсидки ещё аж в 1953 г. Тогда Дональд шестью ударами самодельной заточки отправил в иной мир известного гангстера Хэйзела Бразелла. Хотя последний и имел в тюрьме личную охрану из трёх головорезов, Гаскинс сумел втереться в доверие к Бразеллу и разделался с ним в душе. На счету Гаскинса было несколько тюремных "ходов" и побегов, но теперь он вроде бы взялся за ум. В 1968 г. Дональда условно освободили с условием не появляться в его родном округе Флоренс не менее 2 лет. Он обосновался в соседнем округе Самтер и вёл на первый взгляд вполне добропорядочный образ жизни. Поначалу он работал на стройке, затем устроился разборщиком автомашин на одной из местных автосвалок. С момента освобождения никаких криминальных "хвостов" за ним не числилось, и было похоже на то, что Гаскинс, наконец-таки, взялся за ум.

Фотография Дональда Гаскинса, сделанная в 1968 г., когда ему исполнилось 35 лет. Это как раз тот случай, когда с полным основанием можно сказать, что внешность обманчива. Маленький, худенький, ничем не примечательный Гаскинс не производил впечатление опасного человека, однако в преступном мире пользовался заслуженной репутацией свирепого бандита. На его счету имелись опасные преступления против личности – ещё в 13 лет, во время кражи, он совершил нападение с топором на хозяйку дома, которая лишь чудом осталась жива, а в возрасте 20 лет он отправил в мир иной известного гангстера Хэйзела Бразелла. Склонный к побегу, Дональд не раз убегал как из тюрем, так и из специальной Ремесленной школы, где обучались «труд-

ные» подростки.

Тем не менее, его следовало хорошенько допросить, ведь он был последним, кто видел пропавших девушек.

Допрос Гаскинса не привнёс ясности, а скорее, только запутал картину событий. Дональд не отрицал, что согласился развезти Дженис и Патрисию по домам, и они действительно уселись в его автомашину. Вот только далеко они не уехали. Увидев по дороге группу молодых людей, стоявших кучкой вокруг какой-то машины, девушки попросили Гаскинса на минуту притормозить. Оказалось, что молодые люди хорошо знают девушек, они перебросились парой фраз, пригласили девушек к себе, и те моментально решили отправиться с ними. Дональд попытался остановить племянницу, но та очень резко его осадилась и дала понять, что не намерена его слушаться. Дональд признался, что хотел вернуться на вечеринку и рассказать брату о поведении его дочери, но, сообразив, что тот пьян и в таком состоянии может наломать дров, решил не обострять ситуацию. Гаскинс поехал к себе домой, где и провёл остаток ночи. Парней, пригласивших девчонок, он не запомнил – да особо их и не рассматривал! – их автомобиль тоже... Если бы знал, что придётся держать ответ в полиции, повёл бы себя иначе, да только задним умом все мы крепки...

К бывшему уголовнику можно было относиться по-разному, но рассказ его в целом звучал вполне убедительно. Кроме

того, сообщённая Дональдом информация прекрасно согласовывалась с тем, что рассказали детективам родители Джанис Кирби. Они пожаловались сотрудникам отдела розыска пропавших без вести на то, что старшая по возрасту Патрисия Олсобрук плохо влияла на их дочь. Патрисия употребляла наркотики, крутила мимолётные "романы" с солдатами расположенной неподалёку от города Самтер авиабазы "Шай" (Shaw air force base) и вообще вела очень предосудительный образ жизни. Надо иметь в виду, что в 1970 г. употребление наркотиков ещё не стало "национальным спортом США" (как выразился однажды в своей телепередаче Ларри Кинг), "кокаиновые party" ещё не были нормой развлечения бизнес-элиты и голливудских звёзд, а курение марихуаны не превратилось в развлечение для школьников. В таком тихом и патриархальном штате, как Южная Каролина, заявить полицейским, что 17-летняя девушка употребляет наркотики, было тогда равносильно тому, чтобы записать её в "исчадие ада".

Подобные рассказы, конечно же, заставили детективов отдела поиска без вести пропавших сосредоточить своё внимание на старшей из двух исчезнувших девушек. Много времени и сил было затрачено на всестороннюю отработку её связей, поиск и проверку половых партнёров, которых оказалось аж даже четверо (и каждый из них давал Патрисии деньги, не правда ли, несколько похоже на банальную проституцию?). Следствие увязло во множестве случайных свя-

зей пропавших, отработка которых требовала больших усилий и затрат времени. И, в конечном счёте, никуда не вела...

Прошёл всего месяц с исчезновения Кирби и Олсбрук, как тихий округ Самтер потрясло новое происшествие с девушкой-подростком. Причём слово "потрясло" в данном случае не является литературным преувеличением – история, приключившаяся 18 декабря 1970 г., действительно вызвала немалый переполох и при ближайшем рассмотрении производила впечатление совершенно невероятной.

В тот день без вести пропала 13-летняя Маргарет Каттино, более известная как "Пэгги" или "Пэг" Каттино (Peggy Cuttino). Девочка была старшей из дочерей Джеймса Каттино, одного из 46 членов Сената штата Южная Каролина. Семья проживала в доме №45 по Мэйсон Крофт-драйв в самом центре Самтера, районе тихом и совершенно безопасном. До школы, которую посещала Пэг, было всего три квартала!

Peggy Cuttino, 13 Missing From Home

Peggy Cuttino, 13 years old, daughter of Mr. and Mrs. James C. Cuttino, last seen wearing a blue dress, white shirt, and gold necklace. She was last seen leaving a blue house, 4500 West 1st Street, on the night of December 18, 1970. A \$5,000 reward is offered for information leading to her safe return. Call 450-1234 for details.

Searchers from SLEP searched the woods. Early this morning a large group of friends organized a search party under the direction of George James, a local attorney. The police were still searching the area. If you found her, please call 450-1234. A television news crew, radio, and truck radio facilities in searching. The police department with the telephone and other search parties. The police department with the telephone and other search parties. The police department with the telephone and other search parties. The police department with the telephone and other search parties.

Фотографии слева направо: Маргарет «Пэгги» Каттино,

пропавшая без вести 18 декабря 1970 г. в возрасте 13 лет. Джеймс Каттино, отец Маргарет, член верхней палаты парламента штата Южная Каролина. Постер, оповещающий об исчезновении «Пэгги» и обещающий вознаграждение в 5 тыс. \$ за информацию о её местонахождении. Благодаря оперативно принятым мерам сообщения об исчезновении девочки стали достоянием гласности уже через несколько часов после того, как Маргарет Каттино пропала. На следующий день о происшествии знал весь штат. Крайний правый фотоснимок – статья об исчезновении девочки, размещённая в одной из местных газет на следующее утро после инцидента. Репортёрам умышленно были сообщены не вполне точные сведения о месте и времени исчезновения девочки, дабы ввести определённый фильтр поступающих от населения сообщений и отсеивать заведомо ложные, ошибочные или неподобные.

В тот день школа закрывалась на рождественские каникулы, и во второй половине дня была запланирована большая экскурсия школьников и преподавателей к атлантическому побережью штата – в город Чарлстон (примерно в 160 км южнее Самтера). Предполагались ночёвки в отелях, прогулки по океанскому побережью, посещение национального парка "Лес Франсиз Марион" – в общем, программа поездки обещала быть очень насыщенной и интересной. Общее число участников экскурсии должно было составить 65 человек.

Маргарет Каттино ушла из дома, собрав вещи для поездки, но возле школьных автобусов в назначенное время её никто не видел. Поездка началась без неё, но уже на ближайшей остановке старший преподаватель отзвонился матери Каттино и сообщил, что Маргарет в автобус не села и в поездке она не участвует.

Розыски девочки начались немедленно. Поначалу ничто не предвещало мрачной развязки просто потому, что обстановка в Самтере в те дни была до такой степени идиллической и праздничной, что в плохое не верил никто. Лишь к позднему вечеру 18 декабря, когда сотрудники службы шерифа выяснили, что Пэгги Каттино не появлялась у знакомых, родственников, в кинотеатре и кафе, началась настоящая паника. С согласия родителей окружной прокурор дал санкцию на размещение в местных газетах информации об исчезнувшей девочке – и такие сообщения появились в утренних выпусках 19 декабря. В известном смысле прокурор сработал на опережение – такого рода объявления обычно появляются спустя несколько суток или даже недель с момента исчезновения человека. Но с дочкой сенатора всё было не "как обычно".

Первую более или менее разумную версию случившегося предложили родители пропавшей Пэгги. Они вспомнили, что старшая дочь активно участвовала в избирательной компании отца и вместе с ним ездила на встречи с военнослужащими базы ВВС «Шай». Там Пэгги рассказывала солдатам

и офицерам, какой у неё замечательный папочка, дарила плакаты и флажки с символикой избирательного штаба, много общалась с военной молодёжью, которая, разумеется, была не прочь поговорить вживую с молоденькой представительницей политической элиты. Многие из военнослужащих откровенно кокетничали с девчонкой, просили её «домашний телефончик», приглашали в бар, и оказывали прочие знаки внимания. Хотя с той поры минуло более года, многие военнослужащие запомнили Пэгги; разумеется, многих запомнила и она. Так что похитителем, не вызывающим подозрений Пэгги Каттино, мог оказаться именно знакомый военнослужащий с авиабазы – это было первое рабочее предположение детективов.

С утра 19 декабря 1970 г. часть работников службы шерифа при поддержке представителей военной полиции приступила к опросу военнослужащих авиабазы. Другая часть сосредоточилась на обходе соседей и опросе школьного персонала, не принявшего участие в туристической поездке к морю. Кроме того, в доме Джеймса Каттино было установлено круглосуточное дежурство на случай возможного телефонного звонка похитителя.

К середине дня появилась первая порция плакатов, призывавших население сообщать органам власти любую информацию, связанную с исчезновением Пэгги. На плакатах воспроизводилась одна из последних фотографий девочки, содержалось описание одежды, которая была на ней в день

исчезновения, и указывались её некоторые анатомические параметры: рост 157 см, вес – 52 кг. За сообщение ценной информации было обещано вознаграждение в размере 5 тыс. \$. Плакаты развешивались в общественных местах всех населённых пунктов округа Самтер – в магазинах, приёмных покоях больниц, аптеках, участках службы шерифа, офисах органов местного самоуправления и прочих.

Во второй половине дня появилась первая существенная информация, содержащая указание на судьбу пропавшей девочки. По телефону «горячей линии», сообщённой в газетной публикации, позвонила некая Кэрри ЛеНойр (Carrie LeNoir), содержащая с мужем небольшой магазинчик в маленьком населённом пункте Хорейшо, а заодно подрабатывавшая в местном почтовом отделении. Хорейшо являлся настоящим «медвежьим углом» по местным понятиям – там насчитывалось едва ли три десятка домов, разбросанных на большой площади в лесистой, пересечённой местности. Все знали друг друга, а потому любой новичок моментально привлекал к себе внимание. Кэрри ЛеНойр знала лично пропавшую Пэгги, поскольку та несколько раз приезжала в Хорейшо во время предвыборной кампании её отца. В то время девочка носила довольно длинные – ниже лопаток – волосы, что не соответствовало её фотографии, размноженной газетами (там Пэгги была изображена с волосами до плеч). Поэтому первый вопрос Кэрри, заданный оператору «горячей линии», касался того, какую же на самом деле длину имели

волосы пропавшей девочки? Ей ответили, что осенью Маргарет Каттино остригла волосы, и длина её причёски соответствует той, что можно видеть на фотографии в газетах и плакатах.

После этого Кэрри ЛеНойр сделала своё заявление. Суть его сводилась к следующему: примерно в 14:30 19 декабря она закрыла почтовое отделение, расположенное в доме №3240 по Хорейшо-Хэйгудроад (Horatio-Hagoodroad), и направилась к магазину, в котором в это время вёл торговлю её муж. Внимание Кэрри привлекла жёлто-коричневая легковая автомашина, в салоне которой сидели два молодых человека и девушка, очень похожая на Маргарет Каттино. Полное сходство нарушалось лишь тем, что у сидевшей в машине девушки волосы были длиной до плеч, в то время как Кэрри помнила, что Пэгги прежде имела гораздо более длинные волосы. Впрочем, в ту минуту Кэрри ЛеНойр не особенно задумалась над увиденным – это было лишь мимолётное впечатление, о котором она позабыла сразу, войдя в магазин.

Однако по прошествии четверти часа или чуть большего промежутка времени в магазин заглянула парочка тех самых юношей, которых Кэрри видела в жёлто-коричневом седане. Девушки с ними не было – отметив это, Кэрри выглянула в окно и убедилась в том, что и автомашины на прежнем месте тоже не было. Её явно отогнали куда-то подальше от магазина. Молодые люди, помявшись, купили две жестяные ёмкости с бензином по галлону каждая, едва сумев на-

скрести необходимые 3 \$ (всево парнишки купили чуть больше 7,5 литров бензина). Покупка выглядела довольно странной для американцев формации 1970 г. Дело в том, что до арабо-израильской войны 1973 г. и знаменитого "бензинового эмбарго", введенного арабскими странами, автомобильное топливо в США было очень дешево. Никто из автопроизводителей не задумывался над созданием экономичных моделей машин, а потому самый рядовой, ничем не примечательный американский семейный автомобиль сжигал около 15 литров на 100 км, а то и много больше. В отличие от европейцев и японцев, американцы в те годы позиционировали свои автомобили на мировом рынке как товар "для тех, кто не любит экономить". Два галлона бензина можно было купить для заправки зажигалок или разведения костра в лесу, но никак не для заливки в топливный бак. Между тем, молодые люди купили бензин именно для своей автомашины – в этом Кэрри ЛеНойр не сомневалась, хотя свою уверенность объяснить так и не смогла.

После того, как молодые люди убрались восвояси, Кэрри поделилась со своим мужем тем впечатлением, которое на неё произвели необычные покупатели. Муж согласился, что ребята и впрямь выглядели странно, и от себя добавил, что они показались ему чем-то сильно напуганными. Затем Кэрри упомянула о том, что видела на заднем сиденье их автомашины Маргарет Каттино. Муж в ответ на это раскрыл перед женой утреннюю газету, в которой содержа-

лось обращение с просьбой оказать содействие розыску пропавшей девочки. И приводилась её фотография – с остриженными волосами, не достающими до плеч. Волосы именно такой длины имела девушка из таинственного жёлто-коричневого седана, похожая на разыскиваемую дочь сенатора. Муж тоже видел девочку (или девушку?) в автомашине, хотя и с большого расстояния, нежели Кэрри, но он согласился с тем, что спутница подозрительных юнцов действительно похожа на Пэгги Каттино. Супруги ЛеНойр некоторое время обсуждали, следует ли им обратиться по телефону «горячей линии», чтобы сообщить о произошедшем – всё-таки они не были до конца уверены в точности увиденного (сбивали с толку короткие волосы неизвестной девушки). Наконец, муж мудро предложил Кэрри позвонить по контактному телефону и уточнить, какова же была длина волос Пэгги на самом деле?

Выяснив, что пропавшая девочка укоротила волосы, супружеская чета пришла к выводу, что именно её они видели сидящей в автомашине перед магазином примерно в 2:30 пополудни 19 декабря, то есть спустя примерно сутки с момента исчезновения. В тот же день два детектива из службы шерифа – Хью Матис и Томми Мимс – официально зафиксировали заявление четы ЛеНойр.

Сами того не зная, супруги подтвердили совершенно новое и прямо скажем – неожиданное – направление, которое к этому времени приобрели розыски Пэгги. Дело в том, что

во второй половине дня всё того же 19 декабря в штаб розысков поступило любопытное сообщение от одноклассника исчезнувшей девочки. Он оказался в числе немногих школьников, не пожелавших принять участие в поездке к океану – его родители спланировали ему совсем другую программу на Рождественские каникулы. По словам подростка, около полудня 19 декабря он ехал с родителями в автомашине севернее Самтера и увидел в салоне встречной машины... Маргарет Каттино. Она сидела на заднем сидении и не заметила его. Машины быстро разминулись, но мальчик не сомневался в том, что его опознание было верным. К тому моменту он уже знал, что Пэгги ищут и постарался запомнить как можно больше деталей увиденного. По его словам, Пэгги сидела в большой, новой буро-коричневой машине, марку которой он затруднился назвать. Кроме неё, в салоне находилась сравнительно молодая (лет 30-35) женщина со светлыми волосами, собранными в причёску. Управлял автомобилем сухощавый мужчина-брюнет. Номер автомашины свидетель назвать не смог.

Сообщения, полученные розыскным штабом 19 декабря 1970 г., направили розыск в новое русло. Теперь стала превалировать версия о добровольном бегстве Пэгги из родного дома.

На первый взгляд, оснований для этого не было. Семья Каттино хотя и демонстрировала открытость, демократизм и скромность во всём, принадлежала по американским по-

нениям к "настоящей аристократии". Конечно, этот эпитет может показаться не совсем корректным применительно к обществу, в котором классической аристократии вообще никогда не существовало, но оно довольно верно передаёт восприятие этой семьи окружающими. Члены многочисленного итальянского клана Каттино были очень зажиточны, уже на протяжении нескольких поколений они получали образование в лучших учебных заведениях Америки и были успешны во всём – в политике, в бизнесе, в спорте, в религии (некоторые из рода Каттино избрали путь священства).

Пэгги была очень организованной и целеустремлённой девочкой, чувствовалось, что родители ждут от неё больших жизненных успехов и активно готовят её к этому. Она обучалась в частной школе для девочек, одной из лучших в штате, была капитаном школьной баскетбольной команды, посещала воскресную школу при т.н. Первой пресвитерианской церкви и проявляла большой интерес как к изучению Библии, так и теологии вообще, пела в молодёжном хоре, организованном церковной общиной. В общем, Маргарет Каттино была очень благонаправленной и чистой девочкой-подростком, которую, казалось, не могла коснуться никакая грязь. Помимо этого Пэгги была очень способна к изучению иностранных языков, интересовалась политической историей и историей дипломатии. Она активно помогала отцу во время его последней избирательной кампании, разъезжая с ним по территории избирательного округа и принимая живейшее уча-

стие в многочисленных митингах. Джеймс Каттино в присутствии друзей несколько раз высказывался в том духе, что прочит старшей из своих дочерей дипломатическую карьеру, а потом, возможно, и политическую.

Так выглядела "глянцевая" сторона жизни Пэгги.

Однако, как скоро выяснили следователи, существовала у пропавшей без вести девочки и другая жизнь. Движение "хиппи" и повсеместное распространение наркотиков, сексуальной свободы, радикальных феминистских идей, не могли обойти стороной даже такой консервативный и провинциальный по американским меркам штат, как Южная Каролина. Противостояние молодёжи и старших поколений отчасти подпитывалось растущими пацифистскими настроениями, несогласием молодых людей идти сражаться "за дядю Сэма" во Вьетнаме (тогда ещё в США существовала всеобщая воинская повинность). К 1970 г. уже очень многие семьи в Южной Каролине столкнулись с конфликтом "отцов и детей" и такой конфликт не миновал семью сенатора Каттино. Маргарет последний год всё настойчивее требовала большей свободы, хотела, чтобы отец снизил учебную нагрузку, совершенно не оставлявшую девочке свободного времени. Тот отказывался идти на уступки и напряжение в отношениях с Пэгги постоянно росло. Детективам стало известно как минимум об одном очень серьёзном скандале, обусловленном нежеланием Маргарет Каттино бессловесно выполнять все требования отца. Во время этого скандала девочка по-

очередно грозила то сбежать из дома, то покончить с собою. В тот раз дело закончилось истерикой...

Данная информация заставляла взглянуть на произошедшее под новым углом, и необъяснимые, на первый взгляд, события приобретали внутреннюю логику.

18 декабря, в день начала рождественских каникул, Пэгги якобы собиралась поехать в многодневную школьную экскурсию к океану. На самом деле она на этот день запланировала бегство из дома и отъезд многочисленной школьной экскурсии отлично маскировал её истинное намерение. Пэгги ушла из дома, как будто бы направляясь к школе, где стояли автобусы для поездки, но на самом деле туда не пошла, а повстречалась с какими-то своими товарищами, обещавшими ей содействие в реализации плана побега. В их обществе и на их машине она направилась в противоположную от океана сторону, рассчитывая, что преподаватели не заметят её отсутствия либо заметят не сразу. Это обеспечивало беглянку некоторой форой. Никто не мог сказать, где и как Маргарет Каттино провела первую ночь, но на следующий день, около 14:30 19 декабря машина её товарищей вместе с ней самой оказалась в деревне Хорейшо, к северо-западу от Самтера, за 35 км от родного дома. Судя по тому, как молодые люди собирали по карманам мелочь, чтобы купить два галлона бензина в магазине супругов ЛеНойр, у них явно не было денег. Это выглядело несколько странно, поскольку, по уверениям родителей Пэгги, та не испытывала проблем

с карманными расходами и всегда могла располагать суммой в 30—50 \$.

Впрочем, в тот момент это было не особенно важно – самое главное заключалось в том, чтобы отыскать Пэгги. И желательно живой! Как считали в прокуратуре, возможность этого оставалась...

В течение недели велись активные розыски Маргарет Каттино с привлечением практически всех наличных сил служб шерифов как округа Самтер, так и прилегающих округов (Флоренс, Кларендон, Киршоу и прочих). Проверялись гостиницы, приюты, даже больницы, фотографии Пэгги предъявлялись работникам автозаправочных станций, магазинов и других мест, где было вероятно появление девочки. Дорожная полиция штата проверяла автотранспорт и опрашивала водителей, потенциально способных заметить либо перевозить беглянку – прежде всего водителей автобусов, дальнобойщиков и прочих.

Так продолжалось неделю, вплоть до 27 декабря 1970 г. В тот день поиски прекратились.

Мотоциклист, проезжавший по просёлочной дороге в лесу в национальном парке Манчестер (Manchester State Forest), остановился возле густого кустарника по весьма прозаической причине – справить малую нужду. Но отойдя от дороги буквально на 3 м, он сделал ужасное открытие – его взгляду представилось частично обнажённое женское тело с явными следами пыток. Уже через четверть часа к тру-

пу прибыли первые патрули службы шерифа, затем подъехала дежурная группа отдела по расследованию тяжких преступлений, затем сам шериф округа Самтер – Бирд Парнелл, а чуть позже коронер Говард Парнелл (племянник шерифа) с группой своих людей – судебным медиком, фотографом и остальной командой. Через два часа в лесу Манчестер началось настоящее столпотворение – к месту обнаружения тела прибыли представители прокуратуры разных уровней, родители Пэгги Каттино с большой «группой поддержки», журналисты.

Осмотр тела показал, что погибшей оказалась пропавшая без вести 18 декабря Маргарет Каттино. Смерть девочки была насильственной и явилась следствием убийства, но что указывали явные даже без особенно тщательного осмотра следы телесных повреждений. Жертва была одета в ту же одежду, в которой покинула дом, собираясь в экскурсионную поездку к морю вместе с одноклассниками – синяя блузка, белая юбка. Длинная (ниже колен) юбка была поднята к талии, так что был виден трикотажный пояс, к которому крепились чулки. Трусики отсутствовали, повреждения половых органов и промежности указывали на грубое, возможно, неоднократное, изнасилование. На лице были видны синяки, которые дали ещё прижизненный отёк. Бросались в глаза сильные повреждения кожи запястий – кто-то назвал их "ожогами", и информация об этом была в дальнейшем растиражирована журналистами. Но на самом деле это были

вовсе не термические или химические ожоги – кожа на запястьях погибшей девочки слезла из-за трения рук, связанных за спиной узким шнуром. Самого шнура на трупe не было – убийца снял его перед тем, как оставить тело жертвы в лесу. Помимо повреждений лица и запястий, бросались в глаза повреждения бёдер, особенно с внутренней стороны, имевшие вид то ли царапин, то ли неглубоких порезов – при визуальном осмотре в лесу точнее сказать было невозможно.

Изучение "ложа трупа", то есть поверхности, на которой лежало тело, и непосредственно прилегающего к нему участка местности, показало, что Пэгги была убита в другом месте и оставлена в кустарнике уже мёртвой. Убийца не провёл рядом с телом много времени и не особенно мудрил с "постановкой сцены" – он лишь придал трупу непристойный вид, подняв повыше юбку и обнажив тем самым гениталии, и быстро покинул это место. Следов его ног, пригодных для идентификации обуви, криминалисты отыскать не смогли.

Уже при внешнем осмотре тела на месте его обнаружения судебный медик высказал предположение, что смерть девочки последовала спустя незначительное время (до суток) с момента её исчезновения. Таким образом, момент убийства предварительно датировался 19 декабря 1970 г. Хорошая сохранность мягких частей тела и наличие трупного окоченения, которое должно было полностью разрешиться на 3-4 сутки с момента наступления смерти, была объяснена судебным медиком совокупностью двух факторов: Маргарет Кат-

тино убивали явно не в лесу Манчестер и какое-то время, видимо, держали в холодном помещении (либо холодильнике), а кроме того, зима 1970 г. выдалась по южно-каролинским меркам довольно прохладной, с ночными температурами около 0°C, что обусловило торможение посмертного разложения. Как мы увидим из дальнейшего, судебный медик допустил очень грубую ошибку в датировке момента наступления смерти, однако это стало ясно много позже. В описываемый же момент времени предположение об убийстве Пэгги в день побега (или на следующий день) было растиражировано журналистами и стало непреложной истиной для всех, кто брался анализировать это дело. Жертвой ошибки стали и сами правоохранители, некритично восприняв довольно спорный и явно поспешный вывод недостаточно компетентного специалиста.

Дальнейший осмотр места обнаружения трупа и прилегающей территории показал, что часть вещей погибшей девочки отсутствует и не может быть найдена. Пропали её шляпка, трусики, жакет и сумочка – их судьба так и не была установлена.

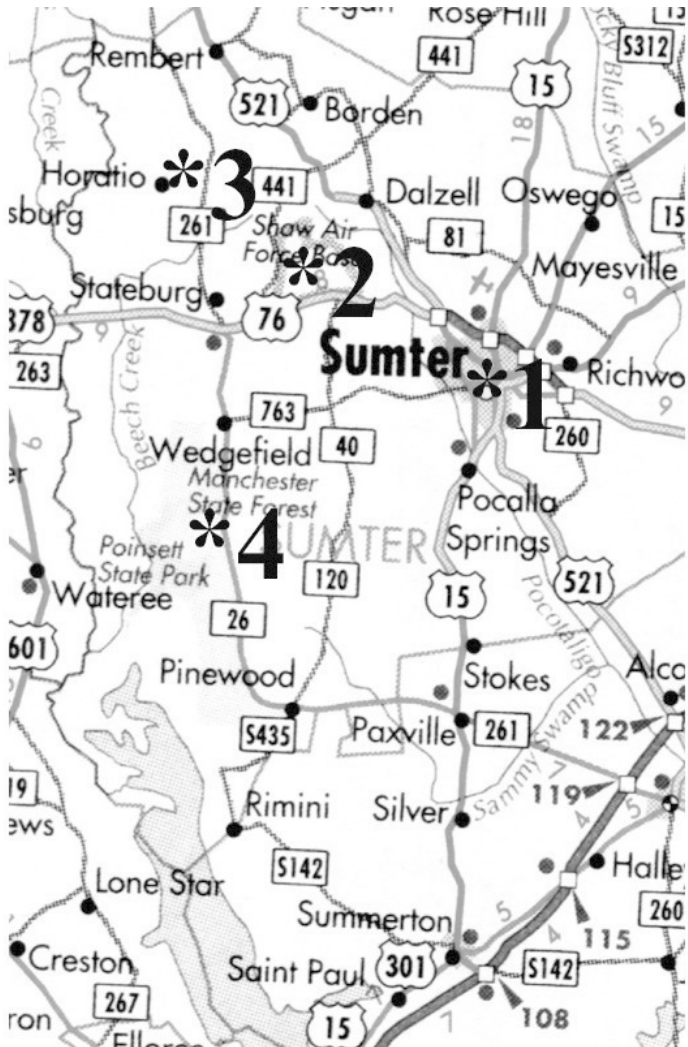

Схема автодорог округа Самтер, штат Южная Каролина, демонстрирующая взаимное расположение объектов, значимых для понимания обстоятельств исчезновения Пэгги Каттино. Условные обозначения: *1 – дом семьи Каттино в центре Самтера, откуда Пэгги отправилась к школе для участия в экскурсионной поездке. Ей предстояло преодолеть три квартала и школьную площадку – это не более 120 м, однако именно на этом участке произошло похищение или добровольное бегство девочки; *2 – авиабаза «Шау» на северо-западе от Самтера. Пропавшая девочка имела там много знакомых. По одной из самых обоснованных версий Пэгги Каттино похитил знакомый военнослужащий, чья воинская форма и вежливая манера общения могли усыпить все подозрения девочки; *3 – магазин четы ЛеНойр в деревне Хорейшо, примерно в 35 км от дома Каттино в Самтере, где исчезнувшую Пэгги видели на следующий день после исчезновения, 19 декабря, около 14:30, в компании двух юнцов. Направление из точки 1 в точку 3 прямо противоположно тому, которым должны были проследовать экскурсионные автобусы со школьниками, направлявшиеся на юг, в Чарлстон по шоссе №521. Выбор диаметрально противоположного направления движения может быть обусловлен стремлением избежать случайной встречи с одноклассниками в дороге, разумеется, в случае добровольного бегства Пэгги. Примечательно, что помощники беглянки, отъехав от Самтера всего на три десятка километров, остались без бензина и без денег

на его покупку, что косвенно свидетельствует об их молодости, неопытности и финансовой несамостоятельности. *4 – место обнаружения трупа Маргарет «Пэгги» Каттино в государственном лесу Манчестер, где тело было оставлено никак не ранее 26 декабря 1970 г. Как легко убедиться, все четыре точки расположены довольно компактно внутри квадрата 40 км*40 км, и убийца девочки, скорее всего, проживал и работал внутри этого участка.

При судебно-медицинском исследовании тела было установлено, что погибшая подверглась изнасилованию. Были получены биологические образцы, содержавшие ещё подвижные (то есть живые) сперматозоиды преступника. Причиной смерти явилась механическая асфиксия (удушение), а момент наступления смерти был отнесён к 18 декабря 1970 г.

То, что последовало далее, вряд ли имело какие-то аналоги в истории штата Южная Каролина. Правоохранительные органы прошли "широким бреднем", хватая без разбора всех, кто в силу тех или иных причин казался правоохранительным органам подозрительным. Только официально были допрошены 1472 человека, значительная часть которых прошла проверку на "детекторе лжи"! И ещё несколько тысяч потенциальных свидетелей и подозреваемых дали показания без официального оформления протоколов, так сказать, в порядке инициативного информирования. Все сексу-

альные преступники штата прошли проверку на детекторе лжи и доказали своё alibi, все лица, замеченные в насильственных действиях в отношении женщин, допрашивались официально и считались подозреваемыми, пока не будет доказано обратное. Поскольку в округе Самтер наличных сил полиции и прокуратуры для обработки поступающей со всего штата информации явно не хватало, туда были командированы опытные детективы из других округов штата. Розыск убийцы Маргарет Каттино не мог закончиться безрезультатно просто потому, что в какой-то момент обычное уголовное расследование превратилось в дело политической важности. Убийца дочери сенатора штата ни при каких условиях не должен был уйти от возмездия! Даже если бы убийца и не был найден, его бы попросту "назначили".

Надо сказать, что проверку на возможную причастность к преступлению прошёл и уже упоминавшийся Дональд Гаскинс. Ещё в юношеском возрасте он во время квартирной кражи напал с топором на хозяйку жилья (последняя осталась жива), ну, и совсем недавно давал объяснения по поводу исчезновения собственной племянницы с подружкой. Так что подозрения в его адрес казались небеспочвенны. Но Гаскинс дал исчерпывающие объяснения по поводу своего времяпровождения 18 и 19 декабря, и все подозрения в его адрес были сняты.

Чрезвычайно упорная и методичная работа розыскников, казалось, вот-вот даст нужный результат. Тем более что весь-

ма обнадёживающие подвижки начались с первых же дней нового 1971 г. Детективам удалось установить, что местная школьная молодёжь собиралась у брошенного в лесу трейлера для совместного времяпровождения, которое заключалось в распитии лёгких спиртных напитков и курении марихуаны. Понятно, что подобное общение способствовало завызыванию интимных отношений, среди молодых людей были устойчивые парочки, поддерживавшие сексуальные отношения год и более, но существовали и, напротив, кратковременные связи с частой сменой партнёров. Полицейские отыскиали в лесу упомянутый трейлер, исполнявший роль своеобразного притона, и установили поимённо всех школьников, бывавших там. Среди них фигурировала и погибшая Пэгги Каттино.

Затем поступила информация о том, что некоторые из юношей, посещавших трейлер в лесу, приносили с собою фотоаппараты и делали эротические фотоснимки своих подруг. Степень эротизма фотографий определялась фантазиями участников фотосъёмок и степенью их опьянения. Среди найденных детективами кадров были и вполне невинные фотографии, и такие, которые с полным основанием можно отнести к порнографическим. Оказалось, что эти фотографии продавались неким скупщиком, обеспечивая «фотографов» деньгами, необходимыми для покупки спиртного и марихуаны. Откуда-то родилась гипотеза, непонятно, правда, на чём основанная, что некий ценитель порнографии заказывал

вал ролики соответствующего содержания с участием несовершеннолетних «актёров», которые якобы сбывал крупным покупателям в Калифорнии. Ролики вроде бы снимались любительской кинокамерой. В общем, в провинциальном округе Самтер начал вырисовываться настоящий заговор растлителей молодёжи, который по праву мог украсить сюжет любого голливудского детектива. Правоохранительные органы приложили огромные усилия по розыску «скупщика порнографии», но отыскать его так и не смогли. Более того, сам факт существования этого лица так и остался не доказан – вполне возможно, что следствие столкнулось со сплетней, не имевшей ни начала, ни конца.

Однако сам факт подобного времяпровождения юношей и девушек из лучших семей Самтера выглядел в глазах общества до такой степени скандальным и нетерпимым, что и без "скупщика порнографии" репутации многих уважаемых людей оказались сильно подпорчены. Поэтому убийство Маргарет Каттино невольно задело очень многих, надолго оказавшись в эпицентре скандальных сплетен и на долгие годы вперёд уничтожив хорошие отношения между некогда добрыми соседями.

История про трейлер в лесу и непристойные фотографии несовершеннолетних школьников, хотя и представляла определённый интерес для правоохранительных органов, всё же не привела к установлению истинной причины и обстоятельств гибели Пэгги Каттино. То, как была убита девуш-

ка, однозначно указывало на действия настоящего монстра, сексуального хищника, совершавшего прежде подобные деяния. Школьники, даже одурманенные алкоголем и наркотиками, не могли бы столь методично мучить, насиловать и убить 13-летнюю девочку, а потом перевезти тело в другое место. Прокуратуре нужен был зрелый мужчина, настоящий сексуальный пират, но... но следствие не могло такого отыскать.

Так закончился январь 1971 года, через несколько недель незаметно пришла весна. Фамилия убийцы оставалась по-прежнему неизвестной. Все перспективные подозреваемые оказывались непричастны к преступлению, все потенциальные "ниточки" никуда не приводили, идеи и рабочие версии испарялись, не оставляя следа. Громкое, как говорят в России – "резонансное", дело грозило остаться позорным "висяком" в славной истории правоохранительных органов Южной Каролины.

Но в апреле 1971 г. всё переменялось в одночасье! В убийстве Маргарет Каттино сознался некий Уильям Джуниор Пирс (William Junior Peers) – редкостная сволочь из города Свэйнсборо (Swainsboro) в округе Эмануэль (Emanuel), уже проходивший обвиняемым по делу об убийстве девяти человек на территории штата Джорджия. 21—22 апреля 1971 г. Пирса этапировали в округ Эпплинг (Appling), где ему предстояло принять участие в следственном эксперименте. После его благополучного окончания, поужинав и пребывая в хо-

рошем расположении духа, Пирс и сделал своё сенсационное признание, свидетелями чему стали шериф округа Эпплинг Джон Ред (John Red) и лейтенант службы шерифа Олин Редд (Olin Redd).

Слева: Уилльям Джуниор Пирс, рисунок журналиста, сделанный в зале суда в 1973 г. Справа: Пирса выводят из окружной тюрьмы в Самтере, впереди в очках и шляпешествует шериф округа Бирд Парнелл.

Суть сделанного Пирсом заявления сводилась к следующему: 18 декабря 1970 г., закончив ночную смену на деревообрабатывающем заводе в Свэйнсборо, где он работал тогда, Уилльям отправился домой, где некоторое время отдыхал. Затем, немного потолкавшись по местным барам, он во второй половине дня отправился в Самтер, имея цель вы-

бросить там несколько мешков накопившегося у него мусора (нормальный такой повод, чтобы нарезать дурака почти 600 км и убить на это весёлое занятие почти целый день!). Вечером, проезжая по одной из улиц Самтера, название которой он не знал и не мог указать на карте, Пирс стал свидетелем конфликта между юношей и девушкой, стоявших перед припаркованной у тротуара машины. Пирс остановился, вышел из собственной машины и поинтересовался у девушки, не нуждается ли она в помощи? В ответ на это молодой человек отбежал к задней части припаркованной машины, открыл багажник и через секунду выскочил на дорогу с велосипедной цепью. Он явно рассчитывал либо напугать Пирса, либо избить его, однако не учёл того, с кем имеет дело. Пирс, в свою очередь, отбежал к собственной машине и моментально извлёк из «бардачка» пистолет. К этому времени он уже совершил несколько убийств и с оружием не расставался...

В общем, борьба двух поколений завершилась тем, что победил опыт – юноша с велосипедной цепью ретировался на своей машине, бросив девушку, которую Пирс любезно пригласил «покататься». «Покатушки» закончились совместным распитием пива, девушка убедила Пирса, что она – совершеннолетняя и хочет заняться сексом с «настоящим мужчиной», а после того, как интимная близость состоялась, заявила, что на самом деле ей не исполнилось ещё и 14 лет и она обязательно отправит Пирса в тюрьму, потому что её

папа – сенатор штата. Пирс запаниковал, избил девушку, изнасиловал её вторично... затем убил, затем отвёз в лес Манчестер и бросил труп в кустах возле просёлочной дороги.

Хотя общий уровень развития Уилльяма Пирса определялся психиатрами как «граничащий с лёгкой дебильностью», преступник демонстрировал поразительную приспособляемость. В тюрьме он маялся от безделья и генерировал самые невероятные идеи. В своей камере Пирс открыл настоящий магазин мелочной торговли (фотография сверху), предлагая товарищам по несчастью нужные в заключении вещи – кофе, сигареты, шоколад, орехи и т. п. Другим его хобби сделался самооговор в реальных и мнимых преступлениях. Поскольку его многочисленные признания требовали проверок, Пирса вывозили из тюрьмы для участия в следственных действиях, что чрезвычайно развлекало его и заметно расширяло круг общения.

Особо углубляться в детали этого рассказа совершенно незачем, ибо он выдуман от первого слова до последнего – ныне это можно утверждать со 100%-ой надёжностью. Нам важно лишь то, что "признание Пирса" легло в основу обвинительного заключения, с которым Уилльям Джуниор попал в суд, был признан виновным и 2 марта 1973 г., в пятницу, был приговорён за убийство Маргарет Каттино к пожизненному тюремному заключению в дополнение к двум пожизненным срокам, которые уже были ему отмерены судом в штате Джорджия за убийства и соучастие в убийствах ещё 9 человек.

То, что Уилльям Джуниор Пирс не убивал Пэгги Кати-

но, стало ясно почти сразу после того, как тот сделал своё «признание» шерифу Реду. Прежде всего, у Пирса имелось железное alibi, исключавшее возможность его появления в окрестностях Самтера 18 декабря 1970 г. События того дня были восстановлены почти поминутно: начальник Пирса подтвердил, что тот покинул рабочее место в 07:05, а ровно в 16:00 он зашёл в контору, чтобы получить зарплату. Вечер и ночь того дня Пирс провёл в обществе своей любовницы и двух её подруг – и это вполне надёжное свидетельство, поскольку любовница вовсе не пыталась выгородить своего дружка. По крайней мере в трёх других эпизодах она не подтверждала alibi Пирса, и это позволило обвинить его в убийствах. От Свэйнсборо до Самтера почти 280 км – и это только в одну сторону! На протяжении 18 декабря у Уилльяма Пирса просто-напросто не было такого интервала времени, в течение которого он успел бы накрутить почти 600 км по дорогам штата и ещё потратить час-другой на общение со своей жертвой...

Ещё раз подчеркнём, что обо всём этом стало известно уже в апреле-мае 1971 г., однако прокуратура штата Южная Каролина изъяла из следственных материалов все документы, способные подтвердить alibi обвиняемого, в силу чего его защитники на процессе 1973 г. просто-напросто ничего о них не знали. Кроме того, из материалов дела исчезли и все упоминания о допросах супругов ЛеНойр, которые, как мы знаем, утверждали, что видели пропавшую девочку жи-

вой и неврежденной после полудня 19 декабря. Понятное дело, ничего не знал об этом и сам Пирс. И хотя на процессе 1973 г. он отказался от своего «признания», это помогло ему мало. Обвиняемый, имевший IQ, равный 70, косноязычный и долго соображающий, просто-напросто не успевал за стремительными логическими эскападами прокурора. Неудивительно, что присяжные обсуждали вердикт всего 16 часов – по их мнению, в этом деле спорить было вообще не о чем.

Итак, бедолага Пирс загребел туда, куда ему положено было загребеть – в мрачные тюремные застенки. Однако очень скоро началась борьба за его вызволение оттуда, вернее, за снятие с него ошибочного обвинения в убийстве Пегги Каттино.

Уже 5 апреля 1973 г. его адвокат МакЭлвин подал ходатайство о новом рассмотрении дела в силу вновь открывшихся существенных обстоятельств. Под таковыми он понимал свидетельства того, что Маргарет Каттино, якобы убитая Пирсом 18 декабря 1970 г., оставалась жива и на следующий день (когда её видели и одноклассник, и супруги Ле-Нойр). Но МакЭлвин был, прямо скажем, слабым юристом – процесс Уильяма Пирса был первым его адвокатским поручением, до этого он служил в Вооружённых силах и попутно заочно обучался на юридическом факультете штата Индиана. Спустя много лет – уже в 21 веке – один из юристов, анализировавший "дело Пирса", не без иронии заметил, что МакЭлвин, похоже, даже не прочитал протокол судебно-ме-

дицинского исследования тела Пэгги Каттино далее первой страницы. Поскольку на основании одного только этого документа можно было смело опротестовывать приговор Пирсу как явно ошибочный. Смысл этой чёрной шутки кроется в том, что в судебно-медицинском исследовании написано о сохранении подвижности сперматозоидов, обнаруженных в теле и на теле погибшей девочки, ещё 27 декабря 1970 г. С одной стороны, признак этот довольно лукав – даже у здоровых мужчин процент мёртвых (неподвижных) сперматозоидов в эякуляте может составлять десятки процентов. Сама по себе "подвижность" зависит от разных факторов – кислотности окружающей среды, температуры, болезней и возраста мужчины, явившегося источником спермы – но общее мнение судебных медиков сводится к тому, что сперматозоиды после семяизвержения не живут более суток. А это передвигает момент последнего совокупления убийцы с Маргарет Каттино ко дню накануне обнаружения её трупа, то есть на 26 или даже утро 27 декабря 1970 г. Кроме того, против ранней (то есть до этой даты) смерти Пэгги свидетельствовало окоченение её тела. Если бы её действительно убили 18 декабря, то есть в день похищения, то трупное окоченение к моменту обнаружения тела 27 декабря 1970 г. должно было полностью разрешиться (окончиться).

Таким образом, опровержение обвинительного приговора крылось в самом акте судебно-медицинского исследования, который просто-напросто надлежало внимательно изучить.

К сожалению, ни в 1971 г., ни в последующие годы этим никто не занимался, поэтому адвокат МакЭлвин в своём ходатайстве вообще не опирался на этот документ.

Ходатайство МакЭлвина было отклонено. Но в июне всё того же 1973 г. коронер Говард Парнелл собрал представителей правоохранительных органов округа Самтер, пригласил должностных лиц из офиса ФБР в Чарлстоне и прокуратуры штата и заявил, что всем им надлежит совместными усилиями добиться пересмотра "дела Пирса". Парнелл прямо сказал, что процесс был фальсифицирован и многие свидетельства, способные доказать невиновность осуждённого, были просто-напросто спрятаны от его адвокатов. По мнению коронера, прокуратура должна была инициировать новый процесс и открыто признать, что осуждение Пирса явилось следствием "грязного манипулирования правосудием".

Разразился скандал. Впоследствии сам Говард Парнелл рассказывал журналистам, что после совещания ни один из его участников не подал ему руки, а его дядя – шериф округа Бирд Парнелл – прямо сказал, что теперь Говарду следует подыскивать новое место жительства, поскольку в Самтере места для него больше нет. И действительно, для принципиального коронера с этого момента начались неприятности – налоговая служба выявила в принадлежавшем ему похоронном бизнесе финансовые нарушения и выписала штраф, после выплаты которого он не смог внести в срок ипотечные взносы, а попытки перекредитоваться в трёх местных банках

оказались безуспешны. В результате в конце 1973 г. Говард Парнелл продал свой бизнес и, забрав семью, навсегда уехал из Самтера.

Завершая разговор о пресловутом "признании Пирса", нельзя не упомянуть о том, как именно это "признание" было получено.

Ныне нам об этом известно достоверно благодаря тому, что в 2004 г. американскими исследователями "дела Пэгги Каттино" был обнаружен акт медицинского освидетельствования Уилльяма Джуниора Пирса, составленный тюремным врачом Шлингером. Из него следует, что после возвращения Пирса в тюрьму (после проведения следственного эксперимента в округе Эпплинг) доктор Шлингер осмотрел заключённого и обнаружил на его теле разнообразные повреждения: на плече ожоги (на каком именно, не уточняется, также не сообщается о числе, форме и размерах ожогов), на обеих ногах ушибы (также без детализации), в паху – надрыв кожи. Осмотр имел место в апреле 1971 г., но документ датируется октябрём, видимо, тюремный врач до поры до времени не хотел официально фиксировать результат. Однако, в октябре 1971 г. он чего-то испугался, возможно, активности адвокатов Пирса, возможно, чего-то иного, и на всякий случай решил подстраховаться от обвинений в сокрытии следов преступления. В своём акте Шлингер уточняет, что обращался за разъяснениями к шерифу округа Эпплинг Джону Реду, и последний подтвердил, что действительно допраши-

вал 22 апреля 1971 г. Уилльяма Пирса. О травмах шериф не сказал ни слова, просто подтвердил факт допроса. Акт док-тора Шлингера производит впечатление крайне невнятного документа, причём эта невнятица допущена явно умышленно: доктор не хотел написать слишком много, но и совсем ничего не написать тоже не мог (вернее, боялся). Тем не менее даже зафиксированного в этом акте вполне достаточно для того, чтобы понять – Пирс на допросе 22 апреля подвергся жестокой пытке, выражавшейся в избиении, прижигании кожи открытым огнём и, по-видимому, подвешивании к половым органам груза. Именно на этом допросе обвиняемый сделал своё "признание", которое уже только в силу физического воздействия на Пирса не должно расцениваться как улика.

Примечательно, что шериф Ред, пытавший Пирса в апреле 1971 г., недолго купался в лучах славы "разоблачителя похитителя Пэгги Каттино". Через некоторое время (а именно, в 1974 г.) он был разоблачён агентами ФБР как создатель и руководитель сбытовой сети наркотиков на территории округа. За что и отправился на нары. Напоследок остаётся добавить ещё один любопытный штришок, выразительно характеризующий действующих лиц этой драмы. Когда в 2005 г. – уже после обнародования результатов медицинского освидетельствования Шлингером состояния Пирса после допроса 22 апреля – стали раздаваться голоса о необходимости пересмотра приговора, вынесенного в отношении по-

следнего, отец погибшей девочки, Джеймс Каттино, заявил, что по-прежнему верит в виновность Пирса и не считает, что приговор должен быть пересмотрен.

Впрочем, с рассказом об осуждении Пирса и изгнании из Самтера Говарда Парнелла мы несколько забежали вперёд. Соблюдая хронологию изложения событий, вернёмся в декабрь 1970 г., когда правоохранительные органы округа Самтер и прилегающих к нему округов прикладывали все силы к обнаружению любых свидетелей и улик, способных пролить свет на исчезновение Пэгги Каттино.

Предполагая, что похитители Пэгги могли предпринять попытку избавиться от автомашины, описание которой сообщили супруги ЛеНойр, сотрудники служб шерифов разных округов принялись проверять свалки старых автомашин. Каково же было их удивление, когда в непосредственной близости от одного такого "кладбища автомобилей" на территории округа Самтер в январе 1971 г. они отыскивали женский труп. Это было тело молодой негритянки без видимых телесных повреждений, но характер размещения тела и предпринятые кем-то меры по его маскировке явно указывали на то, что смерть женщины явилась следствием чьего-то злого умысла. Место обнаружения тела явно не было местом гибели женщины – казалось очевидным, что её привезли к автомобильной свалке уже мёртвой и постарались здесь спрятать.

Как оказалось, погибшая не значилась в списках пропавших без вести, и три дня ушло на её идентификацию. Пона-

чалу можно было подумать, что женщина приехала издалека и никак не может быть местной жительницей (в Южной Каролине в начале 70-х гг. прошлого века процент небелого населения вообще был весьма невелик), однако довольно скоро эта проблема нашла своё разрешение. Случилось это после того, как в офис шерифа с заявлением об исчезновении дочери явились мать и отец 20-летней Марты Дикс, оба чернокожие. По словам родителей, их дочь была человеком своеобразным – весёлая, загульная, любительница прокатиться на мотоцикле, не раз исчезавшая из дома прежде. Когда родителям предъявили фотографии вещей, найденных на трупе у "автомобильного кладбища", они сразу же опознали их. Далее было проведено формальное опознание тела, так стало ясно, что погибшей была 20-летняя Марта Дикс.

Как показало судебно-медицинское исследование, смерть Марты Дикс последовала в результате принятия большой дозы алкоголя и нейролептиков (сильных успокоительных средств, прописываемых обычно людям с расстройствами психики, на которых не действуют традиционные седативные и снотворные препараты). Никаких следов травмирующего физического воздействия, сексуальных манипуляций и связывания обнаружено не было. В принципе, смерть Марты можно было бы списать на случайную передозировку медицинскими препаратами либо объяснить самоубийством, но то, что труп был вывезен в малообжитую местность и спрятан, заставляло подозревать именно убийство.

Выяснилось, что Марта работала в гараже, где производилась разборка на запчасти старых, либо сильно повреждённых автомашин. В том же самом гараже работал и уже упоминавшийся в настоящем очерке Дональд Гаскинс. Более того, Марта как будто бы даже преследовала последнего своим вниманием и открыто с ним заигрывала. Тот факт, что 37-летний Гаскинс был почти в два раза старше, девушку, похоже, ничуть не смущал. Похоже, что Марта Дикс принадлежала к категории тех дамочек, которых можно назвать "хищницами". Или "коллекционерами" – это кому как больше нравится. По рассказам коллег, Дональд относился к заигрываниям Марты с юмором и как будто бы не замечал девушку. Но ситуация резко изменилась в январе 1971 г.

Во-первых, 1 января 1971 г. Дональд Гаскинс официально бракосочетался, то есть выпал из обоймы "свободных" холостяков. А во-вторых, в январе, за несколько дней до своего исчезновения Марта Дикс рассказала своим друзьям и подругам о том, что незадолго перед тем переспала с Гаскинсом. Судя по её рассказу, девушка рассчитывала на продолжение отношений.

Вся совокупность данных, полученных детективами, заставляла рассматривать Гаскинса как очень перспективного подозреваемого. Он имел реальный мотив для того, чтобы избавиться от Марты – она его компрометировала.

И вот уже в третий раз за последние три месяца Дональд оказался вызван в офис шерифа для официального допроса.

Любопытно, что каждый раз допрос был связан с новой криминальной историей – правда, в тот момент данное обстоятельство не обратило на себя внимание.

Дональд на допросе вёл себя доброжелательно, шёл на сотрудничество с органами правопорядка, исчерпывающе отвечал на все вопросы. Он категорически отверг предположения о возможной сексуальной связи с Мартой Дикс, вполне здраво указав на то, что только что женился на молоденькой женщине, доволен тем, как развиваются его семейные отношения, и не испытывает ни малейшей потребности изменять супруге. Гаскинс заявил, что никогда не оставался наедине с Мартой Дикс, если им и приходилось выпивать пивка после работы, то это всегда происходило в компании коллег, и те могут подтвердить, что Дональд всегда уходил раньше и не пытался заигрывать с Мартой. Он очень хорошо относился к погибшей, но это были скорее отцовские чувства, ведь он почти в два раза старше! И самое главное, Гаскинс дал вполне убедительное *alibi* на все те дни, когда могло произойти похищение и убийство Марты – всё это время он был на виду, проводя время либо с женою, либо в компании с соседями, либо на работе и тому подобное. Всё, что утверждал допрашиваемый, звучало логично и было проверяемо. После шестичасового обстоятельного допроса детективы отпустили Дональда в твёрдой уверенности, что потратили время не на того человека, который им нужен.

Шёл 1971 год, и время от времени неопознанные челове-

ческие тела со следами изуверских пыток появлялись вдоль дорог Южной Каролины. Обычно трупы находили неподалёку от дорог на Атлантическом побережье штата, но иногда тела оказывались вдали от океана, как правило рядом с дорогами в лесных, сильно заболоченных массивах, которыми этот штат изобилует. В 1971 г. таких тел было найдено 8, в 1972 г. – ещё 6. За период 1969—1975 гг. на территории Южной Каролины было найдено не менее 80 неопознанных тел, преимущественно женских, большинство из которых ещё при жизни подвергались сексуальному и садистскому надругательству (абсолютное большинство этих трупов так и остались не опознаны).

Представители правоохранительных органов не сомневались в том, что на территории штата действует серийный убийца, но что-то определённое сказать о нём было весьма затруднительно. Ясно было, что преступник имеет машину, на которой много разъезжает и которую явно использует для своей сексуальной охоты. Поскольку погибшие не были жителями штата и, скорее всего, перемещались по дорогам Южной Каролины автостопом, убийца явно проводил отбор жертв, выбирая именно таких, неместных девушек и женщин, идентификация которых будет максимально затруднена. Изучение мест обнаружения трупов не вооружило правоохранительные органы сколько-нибудь полезной информацией, поскольку убийца не оставлял значимых с точки зрения криминалистики следов. Ничего нельзя было сказать о

его обуви, росте, возрасте, физических кондициях, типе автомашины, которую он водит. Об этом человеке в точности было известно только одно – то, что он существует.

В декабре 1971 г. Дональд Гаскинс с женой и дочерью от предыдущего брака покинул Самтер и перебрался в Чарлстон, большой город на океанском побережье Южной Каролины. Там он вёл тихую и неприметную жизнь американского "синего воротничка" – так именуют трудяг, зарабатывающих на жизнь работой руками (в отличие от "белых воротничков", добывающих хлеб насущный работой в офисе). Гаскинс, будучи неплохим слесарем, занимался разнообразным ремонтом – автомобилей, холодильников, мог провести электропроводку в доме и тому подобным. Он не бедствовал, денег ему хватило на то, чтобы сначала купить домик, а затем гараж на окраине Чарлстона, который он стал использовать как автомастерскую. Скорее всего, материальное благополучие Гасинса в немалой степени определялось его связями в криминальной среде, которые он не только не растерял, а напротив, укрепил в Чарлстоне.

В начале 1973 г. Дональд попал под прицел ФБР, причём, влип, как казалось поначалу, очень серьёзно. В Чарлстоне у него появился дружок – молодой чернокожий профессиональный преступник Эдди Браун. К своим 24-м годам этот ухарь уже успел совершить две ходки в тюрьму и имел за плечами большое число арестов, не закончившихся отсидками. Сначала Эдди специализировался на автоугонах и раз-

боре угнанных машин на запчасти, но затем переключился на более доходный и актуальный (учитывая политическую ситуацию) вид криминального бизнеса – торговлю оружием. Сначала это были разовые сделки с "волынами", украденными из домов обывателей, однако через некоторое время у Эдди вдруг появился по-настоящему первосортный товар – настоящие армейские "кольты" и патроны к ним без счёта. Пистолеты были того же типа, который состоит на вооружении личного состава ВВС США. Проверка номера одного из пистолетов показала, что тот был украден с авиабазы "Шай". Владелец ворованного пистолета был арестован и в качестве поставщика назвал Эдди Брауна. Последний попал в совместную разработку ФБР и службы криминальных расследований Военно-воздушных сил.

Правоохранители с арестом Брауна не спешили – сначала требовалось вскрыть всю цепочку движения ворованного оружия. Аккуратно перебирая знакомых Эдди, агенты ФБР довольно скоро сосредоточили своё внимание на Дональде Гаскинсе. Последний приехал в Чарлстон из Самтера, в окрестностях которого и располагалась база ВВС "Шай", то есть представлялось вполне вероятным, что Гаскинс мог иметь там личные связи. Армейское оружие появилось у Брауна именно после его знакомства с Дональдом – это было ещё одно веское соображение в пользу того, что именно Гаскинс являлся поставщиком Эдди. ФБР-кая "наружка" засекла их встречу, так что расследование, казалось, шло к свое-

му неизбежному успешному финалу.

Но затем произошло то, чего никто не ожидал – Эдди Браун неожиданно исчез. И не один – вместе с ним пропала его жена Берта. Можно было бы предположить, что преступник, обнаруживший наружное наблюдение, пустился в бег. Но очень странным было то, что обе автомашины Браунов остались в гараже, одежда – в шкафах, а деньги – в тумбочке. Супруги словно вышли апрельской ночью из дома и куда-то тихонько удалились. Но далеко уйти они никак не могли, значит, кто-то посадил их в свою машину, кто-то помог их бегству... В том, разумеется, случае, если это в самом деле было бегство.

Брауна и его жену искали по всем Соединённым Штатам, справки наводились у родственников, в криминальной среде, были проверены даже тюрьмы, находящиеся в ведении штатов (было предположение, что Эдди мог устроить самому себе "посадку" на небольшой срок, чтобы спокойно переждать полгода-год и не метаться по всей стране, замечая следы). Однако Браун как в воду канул, и с течением времени это становилось всё более подозрительным – ведь такой человек не мог не привлечь к себе внимание правоохранительных органов, где бы он ни находился. В том, разумеется, случае, если Браун вообще оставался жив...

Расследование ФБР зашло в тупик. У правоохранителей был соблазн вызвать на допрос Гаскинса и попытаться добиться от него признания в продаже исчезнувшему Эдди

Брауну ворованных пистолетов, но по здравому размышлению этот план был отвергнут. Не было ни малейших шансов на то, что матёрый уголовник с огромным опытом допросов "расколется" при предъявлении косвенных улик. Ему были известны все полицейские уловки, все тонкости психологической игры следователей, и такой человек не позволил бы себя запутать или запугать во время допроса. Поэтому история исчезновения Эдди Брауна и его жены Берты на несколько лет так и осталась для всех неразгаданной загадкой.

В июле 1973 г. дом Гаскинса в Чарлстоне был подожжён и полностью сгорел. Факт поджога сомнений не вызывал – входная дверь кем-то была надёжно подпёрта заточенным колом, который накрепко её заклинил. Дональду, чтобы спасти себя, жену и дочь, пришлось выбивать окно стулом. К счастью, обошлось без человеческих жертв, потерпевшие отделались испугом. Гаскинс утверждал, что знает, кто и почему устроил этот поджог, однако от сотрудничества с властями отказался. Он не дал никакой информации о случившемся, отговорившись тем, что ему ничего не известно. Полиция Чарлстона и сотрудники местного отделения ФБР подозревали, что поджог дома находится в какой-то связи с исчезновением Эдди Брауна. Если Эдди Браун убит (как подозревало ФБР), то его дружки могли таким образом отомстить Гаскинсу, но версии такого рода были подобны гаданию на кофейной гуще – фактов не имелось, были только кривотолки и домыслы.

Гаскинс, похоже, понял сигнал, который ему был подан в виде поджога дома. В течение месяца он закончил все свои дела в Чарлстоне и уехал вместе с женой из города. Попутешествовав немного по штату, он, в конце концов, остановился в местечке Проспект (Prospect), небольшом населённом пункте примерно в 10 км к западу от Джонсонвилля на территории округа Флоренс.

Южная Каролина, округ Флоренс, Проспект. Просто Проспект. Ни деревня, ни город... поселение. Отличная рыбалка на близлежащей речке, безопасный лес, живописная природа, место для барбекю и ухи. В середине 70-х гг. прошлого века стриты и авеню Проспекта представляли собой грунтовые дороги, а в домах не было телефонов. Да и домов было намного меньше, чем теперь. Многие жители обретались в трейлерах, благо погодные условия вполне это позволяли. Такая вот американская провинциальная благодать, пазуха Господа Бога...

Это был родной округ Дональда, просёлочные дороги которого он исколесил ещё в дни юности. Как уже сообщалось выше, после освобождения из тюрьмы в 1968 г. Дональд имел судебный запрет на проживание на территории округа в течение двух лет, но теперь это время вышло, и Гаскинс был вправе жить там, где пожелает. Вот он и пожелал остановиться в Проспекте, уединённом и живописном месте, куда жители крупных населённых пунктов традиционно приезжали на пикники. Место действительно было своеобразным – около пятидесяти отдельно стоящих и притом на большом удалении друг от друга домов, живописная лесная зона, к северу – извилистая речка, идеальная для рыбалки, и... три кладбища, примерно равноудалённых друг от друга. Идиллическое местечко, что требуется ещё для того, чтобы встретить старость?

Гаскинс вместе с супругой занялся торговлей мясом, открыв магазинчик в небольшом доме, который одновременно служил им жильём. Помимо дома, Дональд прикупил и трейлер, который поставил несколько в стороне. В нём он любил уединяться и отдыхать от семейной суеты с дюжиной банок пива. Там же он принимал друзей, смотрел телевизор, иногда ночевал...

Южная Каролина, округ Флоренс, Проспект. Домишко, в котором обосновался Дональд Гаскинс со своим семейством, сплошь состоявшим из женщин и девочек. В этом же доме располагалась мясная лавка, где проезжавшие туристы могли купить продукты местного фермерского производства, за домом находился просторный гараж. Несколько в стороне и в удалении Гаскинс поставил просторный трейлер, домик на колёсах, где имел привычку уединяться по вечерам, отдыхая за баночкой пива от женского и детского гомона и трудовых будней в гараже и за прилавком.

Двадцать первого октября 1973 г. в кустах возле самого шоссе №52 в районе Чарлстона было найдено обезображенное тело молодого человека. Труп был полностью раздет, и его нагота только усиливала впечатление от тяжких телесных повреждений, причинённых погибшему. У трупа отсутствовали гениталии, отрезанные острым ножом, также были отрезаны соски. Судебный медик, осматривавший труп, пред-

положил, что для отрезания сосков были использованы слесарные ножницы, поскольку обычными хирургическими или канцелярскими ножницами невозможно было "отхватить" за один раз такой кусок плоти. Ректум погибшего носил следы неоднократных анальных травм, причинённых не только грубым изнасилованием, но и введением в анус разнообразных предметов. По мнению судебного врача, процесс глумления над погибшим был растянут на много часов, а это означало, что убийца имел возможность не только похитить свою жертву, но и где-то уединиться с нею. Телесные повреждения погибшего были прижизненны, а значит, его убийца являлся патологическим садистом. Причиной смерти явились многочисленные колото-резаные раны груди и шеи, обусловившие острую кровопотерю, но кроме этого на шее остались следы сдавления шнуром. Удары в грудь наносились на большую глубину, чувствовалась рука уже опытного убийцы, делавшего привычное для него дело. Преступник, видимо, развлекался тем, что душил, а затем возвращал к жизни свою жертву. С бёдер погибшего были срезаны два куска плоти длиной до 20 см, их отсутствие рождало подозрения в каннибализме нападавшего.

Труп поначалу не удалось опознать, казалось, что он пополнит собою и без того уже длинный список безымянных жертв, найденных в последние годы вдоль дорог Южной Каролины. Эта уверенность подкреплялась тем, что погибший был обнажён, а значит, одежда жертвы не могла помочь опо-

знанию. Однако вопреки обыкновению, удача оказалась на стороне детективов. После того, как в Чарлстоне появились плакаты, призывавшие помочь установить личность неизвестного юноши, в полицейское управление обратилась женщина, сообщившая, что узнала погибшего по фотографии. Из её рассказа следовало, что подросток являлся её дальним родственником, который, как она слышала, более месяца назад сбежал из своего дома в Миннесоте. Беглец, видимо, направлялся во Флориду, к бабушке, и в Южной Каролине оказался проездом.

При проверке сообщённая информация нашла полное подтверждение. Погибшим оказался 14-летний Джек Фримен, юноша из неблагополучной семьи, проживавший в Миннесоте и действительно решившийся на побег во Флориду, к бабке. Не располагая сколько-нибудь заметной суммой денег, подросток не мог отправиться на поезде и, скорее всего, перемещался автостопом. Прodelав 3/4 пути, Джек оказался в окрестностях Чарлстона, где на свою беду столкнулся с неизвестным убийцей.

При расследовании убийств установление личности погибшего обычно позволяет быстро продвинуть вперёд розыск преступника, однако, в этом деле всё было не "как обычно". Не было даже ясности относительно того, один ли изувер ведёт свою охоту на дорогах штата, или таковых несколько? С одной стороны, имелись серьёзные доводы в пользу того, что виновником череды убийств последних лет

является один и тот же человек – его жертвами становились лица, передвигавшиеся автостопом и не являвшиеся жителями Южной Каролины. Он их подолгу мучил, наносил мелкие порезы ножом, протыкал и отрезал соски, гениталии и тому подобное. В силу каких-то причин – то ли недостатка у преступника физической силы, то ли из стремления снискать скандальную славу – убийца не особенно утруждал себя сокрытием тел. Он не выкапывал могил, не топил трупы в болотах, даже толком не маскировал их! То есть вроде бы можно было не без оснований утверждать о схожести криминального почерка. Но с другой стороны, нападениям подвергались не только девушки, но и юноши. Труп Джека Фримена был обнаружен, однако правоохранительным органам штата было известно и о других случаях исчезновения юношей и молодых мужчин. Один ли убийца демонстрирует такую "всеядность", или всё же полиция столкнулась с двумя преступниками, один из которых демонстрирует традиционную сексуальную ориентацию, а другой – гомосексуален?

Никакой ясности в этом вопросе не существовало, и криминальная психология при тогдашнем уровне развития этой науки ничем следствию помочь не могла.

Полиция приложила все возможные в сложившемся положении усилия, надеясь отыскать свидетелей, способных пролить свет на события последних дней Джека Фримена. Было опрошено большое количество лиц, которые могли каким-то образом пересекаться с юношей – работников моте-

лей и закусочных вдоль автотрасс, водителей-дальнобойщиков, коммивояжёров, обычных автомобилистов... Детективы "трясли" тех, кто попадал прежде под подозрение в сексуальных посягательствах на подростков и молодых мужчин. Были задействованы агентурные связи в преступной среде – вдруг убийца где-то похвастается содеянным или банально сболтнёт лишнее в нетрезвом виде. Всё тщетно! Убийца, казалось, не допустил ни единой ошибки, и отыскать его, опираясь на классический арсенал полицейских приёмов, оказалось невозможно.

А в декабре 1973 г. исчезла жительница Чарлстона Дорин Демпси, 23 лет. Она была родом из сельскохозяйственного округа Флоренс, расположенного в глубине штата Южная Каролина, примерно в 180 км от Чарлстона. За пять лет до того она покинула родные края, чтобы добиться успеха в большом городе, но это привело лишь к тому, что в 1971 г., так и не выйдя замуж, она родила девочку Робин Мишель, а осенью 1973 г. забеременела вторично. В общем, вместо успеха в Чарлстоне сельскую девушку ждало настоящее жизненное фиаско. Поняв, что без помощи близких она не сможет вырастить двух детей, Дорин решила вернуться на свою "малую родину". Она уволилась с работы, собрала вещи и... исчезла.

Дорин Демпси, 23 лет, на момент своего исчезновения находилась уже на восьмом месяце беременности. Её дочке Робин Мишель шёл третий годик, девочка пропала без вести вместе с матерью.

Родные во Флоренсе прождали её целую неделю, затем попытались отыскать дочь сами и, наконец, обратились в полицию Чарлстона с заявлением о пропаже человека. Ситуация с исчезновением Дорин Демпси и правда выглядела подозрительно. Домовладельцу она не оплатила дальнейшую аренду жилья, а стало быть, задержаться по месту жительства в Чарлстоне не могла. Практически все личные вещи Дорин и её дочурки исчезли – это свидетельствовало о том, что она взяла их с собою. На местном автовокзале припомнили, что Демпси заблаговременно купила билет на междугородный автобус до Флоренса. Однако никто из водителей автобусов не смог вспомнить пассажирку с маленькой девочкой, соответствовавшую описанию Демпси.

При опросе соседей и знакомых Дорин кто-то из них припомнил, что та просила своего хорошего знакомого подвезти её до автовокзала на своей автомашине.

Вроде бы за день или два до отъезда женщина обмолвилась, что договорилась с кем-то о помощи и теперь ей не придётся тратить на такси. Знакомого, вызвавшегося помочь Демпси, полицейским удалось довольно быстро "вычислить". Им оказался... Дональд Гаскинс. Буквально за неделю до её предполагаемого отъезда Дональд купил у похоронного агентства большую машину-катафалк, на которой разъезжал по дорогам штата и, в том числе, появлялся в Чарлстоне. Так что он действительно мог подвезти Демпси до автовокзала.

Катафалк Гаскинса служил, как оказалось, объектом постоянных шуточек его друзей и знакомых как в Чарлстоне, где он, как выяснилось, регулярно появлялся, так и в Проспекте, где постоянно проживал. Когда дружки Дональда просили объяснить странный выбор транспортного средства, тот, не моргнув глазом, отшучивался: видите ли, я много убиваю людей, и катафалк мне просто необходим, чтобы отвозить трупы на собственное кладбище. Этот ответ вызывал неизменный хохот всех, кто его слышал.

Полицейские, впрочем, являются людьми без чувства юмора, а потому пожелали побеседовать с Гаскинсом. Последний оказался на удивление спокоен и дал исчерпывающие объяснения по всем вопросам, которые ему задали. Он

признал, что хотя и уехал из Чарлстона, но регулярно – буквально через день-два – сюда наведывается для того, чтобы повидать знакомых, которых у него в этом городе немало. Он действительно был готов помочь Дорин Демпси, но о конкретной дате они так и не договорились. Более того, в какой-то момент она перестала появляться в баре, где они обычно виделись, и Гаскинс решил, что женщина обошлась без его услуг. В конце концов, мало ли у молодой женщины может быть друзей с автомашиной, правда? От себя он добавил, что знает Дорин и её семью уже чуть ли не двадцать лет, ещё с 50-х гг., ведь и сам он – Дональд Гаскинс – родом из округа Флоренс, провёл там детство, так что неудивительно, что знаком со многими выходцами оттуда. Он прекрасно помнит Дорин ещё совсем маленькой девочкой, и она, кстати, тоже его хорошо помнит ещё с той поры. Дональд во время беседы с детективами добавил и ещё одну деталь – Дорин была дружна с его женой, а потому он никогда бы не отказал Дорин в любой посильной помощи, какая только могла ей понадобиться.

Такой вот идиллический разговор состоялся между Дональдом Гаскинсом и детективами из отдела розыска без вести пропавших. Объективности ради, нельзя не отметить, что на момент этой беседы в декабре 1973 г. полицейские Чарлстона толком не знали, что же за человек перед ними. То есть они, конечно, были осведомлены о том, что Гаскинс – бывалый уголовник, с опытом продолжительных от-

сидок и даже совершивший в тюрьме убийство, но многие существенные детали его прошлого (например, факт судебного запрета на проживание в округе Флоренс) оставались им неизвестны. И эта неизвестность, безусловно, определённым образом повлияла на восприятие полицейскими того, что им рассказывал Дональд.

В общем, Гаскинс успешно снял с себя все подозрения, и поиски Дорин Демпси и её двухлетней дочки продолжались. Совершенно безрезультатно. Мать и дочь вышли из дома и словно бы растворились в воздухе. Ни одной зацепки, способной пролить свет на судьбу исчезнувших, полиция отыскать так и не смогла.

А в январе 1974 г. стало известно об исчезновении Джонни Селларса, 36-летнего уголовника, специализировавшегося на угоне автомашин. По меркам Южной Каролины автоугоны были серьёзным бизнесом, хотя с позиций сегодняшнего дня, когда основные деньги преступники зарабатывают на торговле наркотиками, оружием и «живым товаром» (то есть нелегальной иммиграцией и работоторговлей) угон автомобилей мог бы считаться пустяком, которым всерьёз могут заниматься только несовершеннолетние воришки. Но для середины 70-х годов «бизнес» Селларса по криминальным понятиям был вполне себе завидным, а сам он почитался за авторитетного вора. Но тем страннее выглядело его исчезновение: Селларс не находился под следствием, делишки свои обделывал тихо, внимание полиции вроде бы к се-

бе не привлекал. У американских правоохранителей есть такое выражение: «летать под радаром», обычно применяемое в отношении преступников, которые очень осторожны и умудряются нарушать закон, оставаясь незаметными для правоохранительных органов. Селларс был именно из тех, кто «летал под радаром». После двух продолжительных тюремных отсидок (всего же он арестовывался и обвинялся более 30 раз!) Джонни научился осторожности и, хотя кое-какие подозрения в его адрес у полиции имелись, реально предъявить ему было нечего. У Джонни не было оснований скрываться – его статус в преступной среде был устойчиво высок, правоохранители претензий к нему не имели, деньги у него вроде бы водились... Однако, Джонни исчез, и никто не знал, где его искать.

Что выглядело ещё подозрительнее – так это исчезновение примерно в то же самое время его молодой любовницы Джесси Рут Джуди, которой было всего 22 года. Она не была посвящена в воровские дела Джонни, встречалась с Селларсом эпизодически и ухаживала за больным отцом. Кроме того, она была замужем, хотя это не мешало ей позволять себе известную свободу в общении с мужчинами. Джесси никак не могла просто так всё бросить и, никому не сказав ни слова, отправиться отдыхать во Флориду или в Калифорнию. В общем-то, и денег на такую поездку не имели ни она, ни её дружок Селларс.

Полиция не то чтобы ретиво искала пропавшего вора,

но всё же справки кое-какие наводила и пыталась понять, что такое мог удумать Селларс? Каково же было удивление детективов, когда им стало известно, что Джонни был должен 1 тыс.\$ Дональду Гаскинсу и вроде бы заявил в присутствии дружков, что возвращать деньги не намерен. Дескать, «Маленький ссыкунишка» (оскорбительно прозвище малорослого Гаскинса) обойдётся без этих денег! Неужели Гаскинс мог убить Селларса и его любовницу за подобную попытку «кинуть», то есть не отдать долг? Можно ли было ожидать двойного убийства от этого человека?

Никакой ясности полицейским добиться так и не удалось. Трупов исчезнувших людей никто не находил, Гаскинс не давал никаких оснований для собственного задержания, все подозрения в его адрес оставались всего лишь подозрениями...

А через некоторое время исчез ещё один дружок Дональда Гаскинса из криминальной среды, некий Гораций Джонс, вор, специализировавшийся на кражах из жилых домов. Гораций был условно освобождён из тюрьмы и должен был еженедельно являться для отметки к надзорному офицеру службы исполнения наказаний. В апреле 1974 г. Джонс пропустил обязательную явку, затем ещё одну, и ещё – в общем, более отмечаться он не приходил. Его тут же объявили в розыск как преступника, которого нужно немедленно вернуть в тюрьму, однако отыскать Горация оказалось невозможно. Ну, то есть, вообще!.. И это было очень необычно, поскольку Джонс не

имел денег, необходимых для бегства, да и бежать ему было некуда – он всю жизнь прожил в Южной Каролине. Не имел он настолько серьёзных связей, чтобы перейти на нелегальное положение, "выправить" хорошие подложные документы и начать жизнь с "частого листа" на другом конце страны.

В процессе розыска Джонса, которым служба шерифа округа Флоренс занялась очень серьёзно, в который уже раз всплыла фамилия Гаскинса. Удалось установить, что Джонс несколько раз приезжал к Гаскинсу в Проспект, вернее, последний привозил его на своём катафалке, ибо Джонс не успел обзавестись собственной автомашиной. Видимо, парочку объединяли какие-то делишки, и это, конечно, вызывало подозрения. Гаскинса допросили о его отношениях с исчезнувшим преступником, но это ничего не дало. Дональд как обычно был дружелюбен, шёл на контакт с детективами, охотно отвечал на вопросы, но никакой ценной информации от него добиться было невозможно. Ну, что тут скажешь! – очень опытный уголовник...

После этого, в течение весьма длительного срока – более года – Гаскинс не попадал в поле зрения правоохранительных органов. В марте 1975 г. ему исполнилось 40 лет, он выглядел спокойным и остепенившимся человеком. В декабре 1974 г. его дочь от предыдущего брака Ширли родила девочку Джанис Энн, и Дональд всем рассказывал, какой он счастливый дед. Тогда же он купил трейлер побольше и теперь жил настоящим табором – сам Дональд, его молодая жена

и их общая трёхлетняя дочурка, а вместе с ними – взрослая дочь Ширли и Джанис Энн. Гаскинс, казалось, упивался новой для него ролью главы семейства, всем рассказывал о том, как он купит и обустроит большой двухэтажный дом, развернёт бизнес по автосервису с магазинчиком при мастерской, может, и заправку оборудует... Не забывал хвалить и тихий Проспект, настоящий рай, где не бывает преступлений, а все жители живут единым дружным сообществом. Да это же лучшее место для воспитания здоровых детишек!

Правда, впоследствии немногочисленные жители Проспекта признавались в том, что побаивались Дональда, который производил впечатление человека слегка сумасшедшего и притом взрывного нрава. Нет, он ни на кого не кидался, напротив, был вежлив и дружелюбен, но в его взгляде и поведении было нечто, что словно бы предупреждало – этот парень сейчас соскочит с катушек и тогда – держись! Гаскинс вовсе не был эдаким сельским дурачком, говорящим глупости и смеющимся невпопад, но некая сумасшедшинка в его словах и поступках всегда присутствовала. За всё время проживания в Проспекте он ни разу ни с кем не поругался, но его старались обходить стороной и не иметь с ним никаких дел.

Впрочем, вернёмся к хронологии событий.

Вся та трогательная эйфория, в которой пребывал Гаскинс на протяжении второй половины 1974 г. и первой поло-

вины 1975 г., моментально испарилась в августе 1975 г. когда без вести пропала жившая по соседству с его домом 13-летняя Ким Гелкинс. Отец пропавшей девочки заявил детективам службы шерифа, что считает виновником случившегося Дональда Гаскинса. По уверениям отца, Ким нередко приглашалась в качестве няни к 3-летней дочке и 9-месячной внучке Гаскинса, за это девочка получала полдоллара за вечер. В последний день, когда родители видели девочку, Ким ушла к Гаскинсам и обратно уже не вернулась.

13-летняя Ким Гелкинс училась в школе в Чарлстоне с полным пансионом и летом 1975 г. приехала на каникулы к родителям в Проспект. Она приходила в дом Гаскинсов и играла с внучкой и малолетней дочерью Дональда, за что получала символическую плату. В предпоследнюю субботу августа она также отправилась к ним, но обратно уже не вернулась. Родители Ким выдвинули обвинения в адрес Дональда Гаскинса, утверждая, что он повинен в исчезновении их

дочери, но тот только развёл руками, заявив, что вся семья уехала на уик-энд из Проспекта и Ким никак не могла очутиться в их доме.

К Дональду приехали детективы из отдела поиска пропавших без вести и официально его допросили. Гаскинс сообщил, что родители пропавшей девочки сообщают неверные сведения, поскольку в указанную субботу Ким не могла приходить в его семью, ибо все домочадцы уезжали к родственникам, а сам Дональд Гаскинс, отвезя их на своей машине, с раннего утра занялся работой в гараже в Джонсонвилле, где его, кстати, в тот день видели другие слесари, которые подтвердят его *alibi*. Действительно, Гаскинса видели в ту субботу за работой на протяжении всего дня, а кроме того его слова подтверждались показаниями жены и дочери, уезжавшими из Проспекта на два дня.

Можно ли было допустить, что 13-летняя девочка обманула отца и мать, сообщив им, будто идёт в гости к Гаскинсам, а на самом деле направилась в какое-то другое место? Да, в подобном поведении подростка не было ничего невозможного. Ким была самостоятельной девочкой, училась в интернате в Чарлстоне и привыкла обходиться без родителей. Она располагала карманными деньгами, не терялась в присутствии взрослых людей, так что вполне можно было допустить, что она решилась отправиться куда-либо автостопом.

Поэтому после допроса Дональд Гаскинс не только не был задержан, но ему даже не предложили пройти тест на полиграфе (детекторе лжи) – до такой степени он был убедителен в своих объяснениях.

И всё – история на этом окончилась. Была 13-летняя девочка Ким Гелкинс, приехавшая на каникулы к родителям – и не стало её, словно никогда и не существовало. А представители правоохранительных органов богатейшей страны мира только развели руками, мол, сама, наверное, сбежала...

Подобное объяснение никак не могло удовлетворить родителей пропавшей девочки, которые были уверены в том, что никуда их дочка сбежать не могла. Они несколько раз обращались в разные инстанции округа и штата, добиваясь активизации розыска, но всякий раз натыкались на бюрократическую стену отчуждения и формальные отговорки, мол, ваши подозрения беспочвенны, а нападки на мистера Гаскинса грозят вам обвинением в клевете. Примерно так ситуация развивалась до середины октября 1975 г., то есть два месяца с момента исчезновения Ким.

Наконец, терпение отца девочки лопнуло, и он решился на неординарный поступок. Пользуясь отсутствием всего семейства Гаскинсов, в очередной раз отчавивших к родственникам на уик-энд, Джон Гелкинс влез в трейлер, в котором Дональд Гаскинс любил коротать вечера с пивом и телевизором, и устроил там доскональный обыск. В результате была найдена одежда пропавшей Ким – её шорты, майка и тру-

сики. Как ни был потрясён находкой отец, у него хватило здравого смысла покинуть трейлер, не тронув вещи дочери. Подкараулив возвратившегося в трейлер поздно вечером Дональда Гаскинса, родители девочки набросились на него с криками, открыто обвиняя в убийстве дочери. Надо сказать, что оба они сильно рисковали в эту минуту, но Гаскинс здорово растерялся и не осмелился убить супругов Гелкинс. Возможно, просто потому, что у него в ту минуту не было под рукой огнестрельного оружия.

Как бы там ни было, Гаскинс как-то уговорил супругов прекратить скандал и вести себя разумно. В итоге они разошлись относительно мирно – и такой итог кажется воистину удивительным, принимая во внимание остроту момента.

Гелкинсы отправились к шерифу, а вот Гаскинс занялся совсем иным делом. Сложив несколько комплектов свежего белья в рюкзак, а пистолет и обрез ружья – в саквояж, он покинул трейлер и отправился в неизвестном направлении (впоследствии выяснится, что беглец направил свои стопы в соседнюю Джорджию).

Заявление отца пропавшей девочки о том, что он видел в трейлере Гаскинса вещи дочери, вызвали переполох. Теперь уже подозрения в адрес Дональда выглядели совсем иначе, и игнорировать их стало невозможно. Окружной прокурор выписал ордер на проведение обыска принадлежащего Гаскинсу имущества, и полученный результат оказался по-настоящему неожиданным. Помимо вещей Ким Гелкинс, бы-

ли найдены детали одежды, принадлежавшие другим девушкам. Пройдёт две недели, прежде чем удастся установить, что Гаскинс хранил у себя также трусики и лифчики Дженис Кирби и Патрисии Олсобрук, пропавших без вести ещё в ноябре 1970 г. Эти находки заставляли задуматься о многом.

Гаскинса искали по всему штату, возле его трейлера устроили засаду, однако тот как сквозь землю провалился. Больше всего полицейские опасались, что беглеца о ведущихся розысках предупредит кто-то из его многочисленных дружков. По этой причине было решено не обращаться за информацией к осведомителям из уголовной среды – в этом случае Дональду довольно скоро всё бы стало известно. Основной расчёт в розыскной операции был сделан на то, что Гаскинс не имел телефонной связи с семьёй, а значит, рано или поздно он должен был попытаться вступить в контакт либо с женою, либо старшей из дочерей.

Более двух недель за ними велась слежка, а около трейлера Гаскинса сидела усиленная полицейская засада. Начиная казаться, что расчёт не оправдается и Дональд решил-ся навек расстаться со своим семейством, но около полудня 14 ноября тот неожиданно сошёл с автобуса, прибывшего из Джорджии. Не заметив детективов в штатском, притаившихся в машине без опознавательных знаков, он прошагал к трейлеру, однако, входить не стал – жена быстро махнула ему рукой, давая понять, что надлежит пройти мимо. Гаскинс так и поступил, но взревели моторы машин служ-

бы шерифа подсказали ему, что погоня началась и загонять в силки на этот раз будут его. Пользуясь пересечённостью местности и наличием обширных «зон невидимости» с дороги, он сумел оторваться от преследователей, но успех этот был кажущимся. Принимая во внимание его невысокий рост и далеко не богатырское здоровье, было ясно, что пешим ходом он покинуть район не сможет. Местные жители помогать ему не станут – это было очевидно, а значит, все надежды Дональда могли быть связаны только с междугородным, автобусом.

Так и оказалось. Пробежавший по оврагам и перелескам почти три километра Гаскинс появился на местной автобусной станции, не предполагая, что здесь его тоже ждёт засада шерифа. Он успел купить билет до города в Джорджии, но, повернувшись к кассиру спиной, увидел нацеленные на него две пары револьверов, суливших весьма небогатый выбор: либо наручники на запястья, либо свинец в голову. Много свинца!

Гаскинс выбрал наручники.

Что ж, всё возвращается на круги своя! Рецидивист и убийца Дональд Гаскинс был задержан 14 ноября 1975 г. по подозрению в похищении и убийстве 13-летней Ким Гелкинс. Правда, ордер на арест ему оформили совсем с другой формулировкой, но это были уже чисто технические детали. На Гаскинса все смотрели как на убийцу ребёнка, но он не особенно терялся – повод не тот, да и человек тоже!

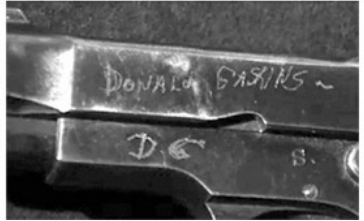
Если кто-то подумал, что это конец истории, то он глубоко ошибся. Закончился лишь один из этапов большого жизненного пути Дональда Гаскинса.

Доставленный в офис шерифа округа Флоренс задержан-

ный заявил, что не понимает причины предвзятого к себе отношения, поскольку он ни в чём не виновен. Когда ему сообщили об обнаружении одежды Ким Гелкинс среди его вещей, Гаскинс только рассмеялся: "И это все ваши улики? Ким постоянно стирала у нас свои вещи, потому что у них дома не работала стиральная машина!" Самое неприятное для правоохранителей заключалось в том, что это объяснение невозможно было опровергнуть, поскольку девочка действительно стирала свою одежду в стиральной машине Гаскинсов, а кроме того, на найденных вещах не было порезов, разрывов или следов её крови. Другими словами, состояние одежды не указывало на применение силы в отношении её владельца. Гаскинса нельзя было арестовывать за наличие в его трейлере этих вещей – с таким же успехом можно было подвергнуть аресту его жену или старшую дочь. Сами по себе вещи исчезнувшей девочки ни в чём Гаскинса не уличали.

Во время бегства Дональд выбросил чемодан, который держал в руках, подходя к трейлеру. В нём оказалось незарегистрированное оружие – пистолет и ствольно-затворный узел одноствольного ружья (без деревянных деталей, то есть без цевья и приклада). Пистолет имел кустарно выполненную гравировку "Donald Gaskins" и буквы "D" и "G", очевидно обозначающие инициалы владельца. Пистолет был довольно редким – это была итальянская beretta образца 1934 г. калибром 9 мм. Последовавшая баллистическая экспертиза доказала, что пистолет произведён в Италии в период Второй

мировой войны, кустарным переделкам или восстановлению не подвергался, находится в удовлетворительном состоянии и пригоден к использованию в качестве оружия. Контрольный отстрел патронов и последовавший сравнительный анализ показал, что пуль и гильз, выпущенных из этого пистолета, нет в пулегильзотеке штата, а это означало, что данное оружие не использовалось в известных правоохранительным органам преступлениях. Гаскинс как человек с уголовным прошлым не имел права владеть огнестрельным оружием, но факт "владения" ещё требовалось доказать. Осмотр показал, что оружие тщательно протёрто и отпечатков пальцев Гаскинса на нём нет. Наличие гравировки с именем и фамилией Гаскинса можно было истолковывать по-разному, Гаскинс вполне мог заявить, что гравировка выполнена не им и является чьей-то провокацией, рассчитанной на то, чтобы отправить его за решётку. Так что и за владение этим незарегистрированным оружием Дональда нельзя было привлечь к ответственности, во всяком случае, это было не так просто, как могло показаться на первый взгляд. Формально рассуждая, Гаскинса вообще не за что было арестовывать, хотя в окружной прокуратуре все прекрасно понимали, что отпустить такого человека на свободу нельзя.

9-мм «Beretta» обр. 1934 г., штатное оружие итальянской армии времён Второй Мировой войны, имелась в распоряжении Дональда Гаскинса, хотя путь, которым она попала в его руки, так проследить и не удалось. Дональд тщательно уничтожил заводское клеймение на левой щеке затворной рамы и нанёс – довольно халтурно, надо сказать – гравировку с собственными именем и фамилией. Только оружие испоганил! Пистолет был найден в чемодане, от которого Гаскинс при попытке бегства 14 ноября 1975 г. неудачно попытался избавиться. В чемодане вместе с личными вещами Гаскинса находилась также ствольно-затворная часть крупнокалиберного ружья, которую путём простейшей реконструкции можно было быстро превратить в полноценное оружие. Гаскинс, являясь рецидивистом, согласно американским законам во-

обще не имел права владеть огнестрельным оружием.

Поэтому в отношении Гаскинса была применена довольно казуистическая уловка. Его официально обвинили в том, что он помог бегству несовершеннолетней девочки, приняв от неё на хранение некоторые вещи и, возможно, оказав ещё какую-то посильную помощь. «Бегство» Ким Гелкинс (в которое никто не верил) трактовалось прокуратурой как правонарушение, а действия Гаскинса квалифицировались как «пособничество». На основании этого окружной прокурор оформил ордер на арест Дональда. Учитывая, что тот являлся рецидивистом, его шансы на освобождение под залог были равны нулю.

Трудно сказать, о чём думал Дональд Гаскинс, попав за решётку по столь неожиданному обвинению. Безусловно, он понимал, какую игру затеяла прокуратура, но не выказал ни малейшей паники. Держал он себя совершенно спокойно и даже не требовал предоставить ему адвоката – как человек с чистой совестью, который просто-напросто терпеливо дожидается, когда недоразумение разъяснится.

Проходили день за днём, Гаскинса ежедневно приводили на допросы и по много часов изводили разговорами на одни и те же темы, но такая тактика ничего следствию не приносила. Подозреваемый сотрудничал с детективами, любезно отвечал на вопросы и не сообщал никакой полезной информации. Война нервов продолжалась больше двух недель,

и конец ей положили события, которые никто не мог предугадать.

Третьего декабря 1975 г. в офис шерифа округа Флоренс явился автомеханик Уолтер Нили, сделавший сенсационное заявление. Он утверждал, что ему известно о многочисленных убийствах людей, совершённых Дональдом Гаскинсом, а также место захоронения трупов. И он готов это место указать. На вопрос, известны ли ему личности убитых, заявитель ответил утвердительно и даже назвал некоторых, например, Дэнниса Беллэми и Джонни Найта. Оба являлись братьями его бывшей жены – Дайаны Нили. Кстати, Дайану тоже убил Гаскинс, пояснил заявитель.

Уолтер Нили. Фотография сделана весной 1976 г.

Рассказ явившегося звучал фантастично. Просто невероятно для тихого мирного Флоренса. Заявитель казался то ли шутником, то ли сумасшедшим, он производил в целом неприятное впечатление человека, выискивающего собственную выгоду и боящегося прогадать. Уолтера Нили отвели на допрос к шерифу округа Уилльяму Барнсу (William Barnes), дабы тот сам оценил рассказ добровольного помощника.

Результатом этого допроса явилось то, что 4 декабря сотрудники служб шерифа, коронера и окружного прокурора, вооружившись полудюжиной лопат и ситом для просеивания грунта, выехали в Проспект. Сенсации особой никто не ждал – вся история Уолтера Нили была мутной, недостоверной, и уверенности в том, что какие-то трупы будут действительно найдены, никто не имел. Тем не менее, руководствуясь подсказками Уолтера, процессия, не доезжая примерно 300-400 м до населённого пункта, углубилась в лес. Нили, побродив немного из стороны в сторону и отыскав одному ему знакомые ориентиры, указал место, где надлежит копать. Много работать лопатами не пришлось – на глубине около 50-60 см (1,5 фута) под лопатами показалась мужская одежда – клетчатая рубашка, джинсы... Лопаты были отложены, и в ход пошли детские совочки и малярные кисти, как на археологических раскопках.

К концу дня из земли были извлечены сильно разложившиеся останки 15-летнего Джонни Найта и его 25-летнего

сводного брата Дэнниса Беллэми. Оба были убиты одиночными выстрелами в затылок.

Фотографии, сделанные 4 декабря 1975 года, в первый день раскопок в лесу, в месте, указанном Уолтером Нили. Это место захоронения полицейские условно называли «кладбище №1».

Стало ясно, что к расследованию необходимо будет привлечь SLED (South Carolina Law Enforcement Division), особое криминалистическое подразделение, созданное ещё в 1947 г. для участия в крупных или особенно сложных уголовных расследованиях.

Группа в техническом отношении была оснащена лучше любой окружной лаборатории и располагала специалистами по всему спектру криминалистических исследований, потребность в которых могла возникнуть в ходе расследования. Поскольку из показаний Уолтера Нили следовало, что рядом с Проспектом захоронено ещё несколько тел, участие в дальнейшей работе криминалистов из группы SLED представлялось крайне необходимым.

По словам Нили, убитые братья Дэннис Беллэми и Джонни Найт летом 1975 г. попытались обворовать мясную лавку Гаскинса. Увенчалась ли эта затея успехом или нет, Уолтер не знал. Зато он знал другое – Гаскинс пригласил его к себе домой, показал трупы Беллэми и Найта, уже загруженные в заднее отделение его машины-катафалка, и предложил ему помочь избавиться от тел. Страшась расправы, Уолтер Нили согласился выполнить все требования Гаскинса: они выехали из Проспекта, свернули в лес и там поместили оба тела в общую могилу.

Слева направо: Дэннис Беллэми, убитый в возрасте 25 лет, с двухлетним сыном на руках. Джонни Найт, сводный брат Дэнниса Беллэми, застреленный в 15 лет. Снимок не очень качественный, на голове молодого человека – наушники. Джонни Селларс, профессиональный вор и мошенник, убитый в 36 лет. Джесси Рут Джуди, любовница Селларса, застреленная на 23-м году жизни. Крайняя справа – фотография Дайаны Нили из её выпускного школьного альбома. Бывшая жена Уолтера Нили была предана земле на тайном кладбище в лесу неподалёку от Проспекта. Могилы всех этих людей, убитых в разное время и по разным причинам, располагались на участке площадью менее чем 5 м*5 м.

После чего Гаскинс, выпив пивка, рассказал потрясённому дружку, что рядом уже покоятся тела Джонни Селларса, его молодой любовницы Джесси Джуди, Эйвери Говарда и Дайаны Нили. С последней Уолтер, кстати, некоторое время состоял в браке. Услыхав о том, что Дайана убита Гаскин-

сом, Уолтер решил, что тот сейчас "грохнет" и его самого, однако... однако, допив пиво, Гаскинс спокойно уселся в автомашину и отвёз Нили к его дому.

Разумеется, детективов интересовал ответ на вопрос, почему убийца обратился за содействием именно к Уолтеру Нили? На что последний ответил, что знает Гаскинса несколько лет, работал с ним в одном гараже, когда тот ещё жил в округе Самтер, до отъезда в Чарлстон, и всегда неплохо ладил. После того, как Дональд вернулся из Чарлстона, их дружеские отношения возобновились. Гаскинс подкидывал ему работёнку, никогда не спорил по поводу оплаты, они вместе иногда объезжали окрестные бары... Гаскинс, видимо, считал, что может доверять Нили, вот потому и обратился за помощью именно к нему – самому Дональду из-за его малого роста и слабосилия тяжело было ворочать трупы. Такой ответ звучал не очень убедительно и лишь рождал новые вопросы, но с ними до поры пришлось повременить.

На следующий день – 5 декабря 1975 г. – целая кавалькада автомашин, принадлежавших различным правоохранительным ведомствам Южной Каролины, выдвинулась к окраине Проспекта для продолжения раскопок. К этому моменту в средства массовой информации уже просочились сведения о какой-то сенсационной полицейской операции, которая разворачивается в округе Флоренс, но о деталях происходившего толком никто ничего не знал. Тем не менее местные телестанции прислали к месту раскопок своих репортё-

ров, и начиная с этого момента ход расследования по делу Гаскинса находил неизменное отражение в телевизионных новостях – сначала в масштабах штата, а затем – всей страны.

Слева: Кадр из телевизионного репортажа, снятого 5 декабря 1975 г.: шериф округа Флоренс Уилльямс Барнс прибыл на место проведения раскопок в лесу неподалёку от населённого пункта Проспект. Справа: он же на том же самом месте во время телевизионного интервью, посвящённого 30-летию тех памятных событий.

Уолтер Нили сдержал своё обещание и 5 декабря показал места захоронения ещё четырёх трупов, двух мужских и двух женских. Те останки, которые якобы принадлежали Джонни Селларсу и его любовнице Джесси Рут Джуди, подверглись сильному разложению, вплоть до обнажения костей. Также сильному разрушению подверглась их одежда. Останки были помещены убийцей в две неглубокие могилы на расстоянии

около 1 м друг от друга. Если Селларс и Джуди находились в розыске начиная с весны 1974 г., то двух других убитых никто не искал. О них вообще мало что было известно, кроме имён, сообщённых Уолтером Нили. Эйвери Говард был уголовником, вышедшим на свободу в 1974 г., но существовала ли между ним и Дайаной Нили какая-либо связь, следствие не знало. Не знал этого и сам Уолтер Нили. Между тем, останки этой пары помещались в общей могиле, что свидетельствовало об одновременности их захоронения.

Этот момент требовал особого прояснения в ходе предстоящего следствия. Трупы Говарда и Дайаны Нили находились куда в лучшем состоянии, чем скелетированные останки Селларса и Джуди, что свидетельствовало об их гораздо более позднем захоронении. В течение нескольких часов все останки были аккуратно извлечены из мест погребения и направлены на криминалистическое исследование. Перво-наперво следовало установить их принадлежность, ведь Уолтер Нили, по его уверению, не видел ни одно из этих тел до захоронения, а потому он никак не мог гарантировать точность сообщённых следствию сведений.

Извлечение останков на участке, получившим условное название «кладбище №2» производилось 5 декабря 1975 г. по «наводке» всё того же Уолтера Нили. Сначала из земли были извлечены два мужских тела, а на следующий день –

два мужских и два — женских.

Итак, к вечеру 5 декабря 1975 г. следствие располагало останками уже шести человек, в смерти которых, согласно заявлению Уолтера Нили, был повинен Дональд Гаскинс. Необычность ситуации состояла в том, что эта информация никак не проясняла судьбу Ким Гелкинс, по подозрению в убийстве которой Гаскинс и был изначально арестован. Пришла пора поговорить с самим Гаскинсом и припереть его к стенке сногшибательными открытиями последних дней, о которых, кстати, он пока ещё ничего не знал.

Приведённый на допрос, который проводил окружной прокурор Кеннет Саммерфорт, Дональд Гаскинс внимательно выслушал историю о находках шести трупов и обвинениях, которые выдвинул Уолтер Нили. После чего совершенно невозмутимо парировал показания своего бывшего товарища. Выразился Гаскинс примерно так: "Убита бывшая жена Нили, убиты её братья, но при чём здесь я? Я даже не знал этих людей! А что касается Селларса, то Нили был с ним знаком в той же степени, что и я!" Гаскинс не только не растерялся под напором неожиданных для него обвинений, но, сохранив необыкновенное самообладание, проявил редкостную смекалку. Все обвинения он перевёл на самого Уолтера Нили, вполне здраво отметив, что у того имелось намного больше мотивов расправиться с каждым из убитых. Адвокат Уиллс, присутствовавшая на этом допросе в качестве

защитника Гаскинса, впоследствии отмечала, что Дональд – самый умный из людей, с которыми ей когда-либо приходилось иметь дело. Находчивость Гаскинса и умение сохранять холодную голову, несмотря на взрывной темперамент и злобность натуры, отмечали многие юристы, соприкасавшиеся с ним в разные годы.

В тот декабрьский день Дональд продемонстрировал прокурору, пожалуй, самые сильные черты своего ума и характера – способность логически мыслить, цинизм и всякое отсутствие совести. О признании собственной вины в какой бы то ни было форме не могло быть и речи, Гаскинс дал понять, что будет отпираться от любых обвинений и ни в чём сознаться не станет.

В тот же вечер 5 декабря 1975 г. прокурор Саммерфорт выдвинул официальные обвинения в убийстве 6 человек в отношении Уолтера Нили. Тот, правда, последние сутки и так ночевал в помещении службы шерифа (в целях обеспечения его безопасности), но теперь его поместили в тюремную камеру, и из свидетеля он превратился в обвиняемого. Трудно сказать, ожидал ли бедолага такого кульбита, но думается, что Уолтер был немало потрясён произошедшим, потому что в последующие дни он отказался от всяческого сотрудничества с правоохранительными органами и замолчал. Даже приглашённый адвокат не сумел поначалу переубедить Нили отказаться от молчания и продолжить сотрудничество с правоохранительными органами.

Тем временем криминалисты из SLED'a со всей возможной быстротой готовили заключение баллистической экспертизы пуль, найденных в телах погибших людей. Главным для криминалистов являлся ответ на вопрос: были ли выпущены эти пули из пистолета beretta, найденного в чемодане Гаскинса при аресте? Ответ был положителен, все погибшие оказались застрелены именно из этого пистолета. Судебные медики, занимавшиеся изучением останков, отметили, что во всех случаях была использована схожая методика убийства – выстрел сзади в затылок жертвы, либо в боковую часть головы в районе уха. Стрельба производилась с расстояния около полуметра или чуть больше в направлении снизу вверх, что указывало на невысокий рост стрелявшего. Исключениями являлись огнестрельные ранения в женских черепах, там траектория пули была близка к горизонтальной. Данное наблюдение прекрасно соответствовало предположению, что стрелял именно Дональд Гаскинс, который при росте 163 см был заметно ниже всех убитых мужчин.

Вооружившись результатами, сообщёнными криминалистами, прокурор вызвал Гаскинса на новый допрос. Положение последнего выглядело хуже некуда – 6 человек убиты выстрелами из пистолета, на котором выгравированы его имя и фамилия, а сам пистолет найден в чемодане с его одеждой. Причём сам этот чемодан он попытался выбросить перед арестом, очевидно, сознавая серьёзность улики, которая находится внутри. В общем, как казалось на первый взгляд,

Дональда можно было сейчас припереть к стенке и добиться от него признательных показаний.

Гаскинс, ознакомившись с заключениями экспертов, только вздохнул и развёл руками. Он заявил, что Нили похитил у него пистолет, когда тот без надзора валялся в гараже, совершил все эти кровавые преступления, пострелял кучу народа, а потом подбросил оружие обратно в гараж. И присовокупил со вздохом, что доверял Уолтеру, а тот его так подставил! Это было уже не просто враньё, а враньё с откровенным издевательством над здравым смыслом и обвинителем. Разъярённый Саммерфорд заявил, что если Гаскинс будет настаивать на своих утверждениях, то он может позабыть о возможности досудебной сделки. На что Дональд твёрдо ответил, что о сделке он даже и не думал просить.

Допрос закончился тем, что прокурор заявил о выдвижении официального обвинения Гаскинса в убийстве 6 человек, чьи тела были найдены в лесу возле Проспекта. Теперь Дональд находился в заключении уже не как "пособник в правонарушении несовершеннолетнего", а обвиняемый в 6 убийствах первой степени.

А прокуратура округа Флоренс имела по одному и тому же делу двух обвиняемых, каждый из которых категорически отказывался признать себя виновным. Но там, где два, всегда найдётся место третьему! Дональд Гаскинс мудро рассудил, что чем больше народу на скамье подсудимых, тем веселее суд, и с удовольствием согласился потесниться.

Он не стал выдумывать какие-то сложные комбинации и связи и попросту заявил, что правоохранные органы проворонили как *minimum* ещё одного – помимо Уолтера Нили – настоящего убийцу. По заявлению Гаскинса, следствие должно изучить вопрос о причастности к убийствам Джеймса Джуди, мужа той самой любовницы Селларса по имени Джесси Рут, тело которой было найдено в той же могиле, что и любовника. Гаскинс наговорил кучу гадостей о Джеймсе, который и в самом деле отличался необузданным нравом и имел дурной характер. В службе шерифа Джеймса Джуди знали хорошо по многочисленным правонарушениям самого разного рода (правда, незначительным), так что слова Гаскинса упали на благодатную почву. Особо Дональд подчеркнул, что Нили был в весьма неплохих отношениях с Джеймсом и за небольшую плату сделал бы для последнего всё, о чём бы только тот мог его попросить. Гаскинс разыграл на допросе сцену праведного гнева, доказывая, что Уолтер Нили похищал у него из гаража пистолет не только для того, чтобы убивать людей самому, но и с целью передачи оружия Джеймсу Джуди. А теперь он – Дональд Гаскинс – из-за «этих подонков» вынужден держать ответ перед законом!

Разумеется, детективы предприняли попытку проверить *alibi* Джеймса, но поскольку точное время гибели Джесси Рут Джуди и Джонни Селларса оставалось неизвестным, то и *alibi* никакого быть не могло. Лучшим вариантом для Джеймса было бы пребывание в тюрьме в течение несколь-

ких месяцев, на которые пришлось исчезновение парочки, но – увы! – подозреваемый всё это время оставался на свободе. В конце концов, следствию пришлось признать правомерность выдвинутого Гаскинсом обвинения, и Джеймс Джуди был арестован по подозрению в убийстве собственной жены. Мотив казался очевиден – ревность...

Между тем, события вне тюремных стен развивались своим чередом. Немного оправившись от шока, вызванного арестом, Уолтер Нили по совету адвоката сделал ещё одно сенсационное признание – он заявил, что готов показать могилу людей, с которыми никак не был связан. И это, по мнению Нили и его защитника, лучше всего докажет непричастность Уолтера к преступлениям Гаскинса. Речь шла о месте захоронения Дорин Демпси и её дочери Робин Мишель, убитых Гаскинсом ещё в декабре 1973 г. Почти через два года – 10 декабря 1975 г. – Уолтер Нили в сопровождении огромной, в несколько десятков автомашин, кавалькады покинул Флоренс и в лесу на полпути к Чарлстону указал место, где надлежало провести раскопки. В тот же день женский и детский скелеты были обнаружены на дне неглубокой могилы возле лесного оврага. Именно овраг послужил ориентиром, позволившим Нили быстро отыскать необходимое место.

Некоторое время заняла судебно-медицинская экспертиза, призванная доказать принадлежность останков, но ещё до её завершения Гаскинсу сообщили о новых находках. То, что в расследовании появились сведения о без вести пропав-

ших матери и дочери Демпси, существенно осложняло положение Гаскинса, поскольку тот хорошо знал Дорин и допрашивался полицией ещё в 1973 г., после её исчезновения. Во время того давнего допроса Гаскинс признал, что был осведомлён о предстоящем отъезде Дорин и, более того, даже предлагал ей свои услуги по перевозке (скрывать это было бессмысленно, поскольку Дорин Демпси рассказала об этом соседям и знакомым). Теперь это признание грозило выйти Гаскину боком – он никак не мог отрицать своего очень хорошего знакомства с исчезнувшей женщиной, в то время как Уолтер Нили никак с нею связан не был.

Тем не менее, Дональд и в этом случае продемонстрировал полное спокойствие. Не моргнув глазом он заявил, что ему ничего не известно о судьбе Дорин Демпси и её маленькой дочки, но если их трупы действительно найдены в месте, указанном Нили, то значит, «этот сучонок» ещё в 1973 г. запланировал избавиться от него, Дональда Гаскинса. И тут же пояснил, что именно он имеет в виду – Уолтер Нили, скорее всего, хотел заполучить ту автомастерскую, в которой работал Гаскинс и которой он фактически владел. Зная о хороших отношениях Гаскинса с Дорин Демпси и её скором переезде, Нили похитил «бедняжку», рассчитывая, что подозрения падут на рецидивиста Гаскинса, но... тот доказал свою непричастность, и план Нили не сработал. Тогда на протяжении ещё двух лет он готовил ничего не подозревавшему Дональду новый капкан, пока не оклеветал его открыто в де-

кабре 1975 г. В общем, Гаскинс остался верен себе и всю вину за гибель Демпси переложил на бедолагу Нили.

От такой наглости, надо думать, крякнули все, причастные к расследованию. Уолтер Нили был не то чтобы «дурачком» в бытовом понимании этого слова, но мужчиной простоватым и недалёким – это признавали все, кому приходилось иметь с ним дело – и прокурор, и защитники, и сотрудники службы шерифа. В то, что такой человек мог задумать и на протяжении многих месяцев методично реализовывать невероятный план с целью «подставить» Дональда Гаскинса, казалось просто фантастичным. В это невозможно было поверить!

Однако, утверждения Гаскинса были не лишены логики, которую надо было как-то опровергнуть. Дональд заявлял на допросах во время предварительного следствия примерно следующее: послушайте, я – опытный тюремный сиделец, проживший чуть ли не полжизни в различных местах лишения свободы, ну, подумайте сами, разве я стал бы рассказывать этому дурачку Нили, где спрятал тела Дорин и Мишель Робин Демпси, если бы на самом деле убил их? Это равносильно тому, чтобы написать донос на самого себя! Пораскиньте мозгами, если Нили знает, где были захоронены тела, значит, он сам же их там и закапывал!

Логика, что и говорить, была железная! Осведомлённость Нили представлялась особенно подозрительной в силу его собственного признания того факта, что он лично при рас-

праве над Дорин Демпси и её дочкой не присутствовал и тела их не закапывал, а место захоронения известно ему лишь потому, что Гаскинс однажды отвёз его туда. Прямо скажем, жидковатое объяснение, ведь Гаскинс – опытный уголовник, и зачем ему нужен лишний свидетель?

Сразу скажем, проблему эту следствие так и не разрешило. Поэтому основной обвиняемый – Дональд Гаскинс – получил дополнительное обвинение в убийстве двух человек (матери и дочери Демпси), а Уолтер Нили... был обвинён в том же самом. Получалось несколько анекдотично, но... Кеннет Саммерфорд как мог, так и обвинял.

Разумеется, вся эта возня правоохранительных органов Южной Каролины не могла не привлечь внимания сначала местных, а затем и национальных средств массовой информации. Помимо освещения текущих событий, связанных с расследованием, появился и устойчивый интерес к главному подозреваемому, тем более что тот вёл себя, скажем прямо, весьма неординарно. Так что со временем интерес к его персоне не только не уменьшался, а только рос. Именно благодаря этому интересу Дональд Гаскинс спустя некоторое время сделался соавтором книги о себе самом, что довольно нетипично для серийных преступников. То есть мечтать стать писателями многие из них, конечно же, мечтают, но мало кому из них это в действительности удаётся просто в силу присущего этим людям склада характера.

Жизненный путь Дональда Гаскинса действительно был

довольно необычным, имелись в нём и драмы, и откровенно комичные ситуации, которые сам Гаскинс всегда удачно обыгрывал в интервью и рассказах. Журналисты метко прозвали его "Чарли Мэнсоном из реднеков", намекая этим прозвищем на весьма существенные личные качества Гаскинса, а именно – харизматичность, присущую Чарли Мэнсону и сочетающуюся с нею простоватость, даже неотёсанность, которую демонстрируют "реднеки", обитатели американской глубинки, герои многочисленных шуток и анекдотов весьма специфического свойства.

Родился Дональд Гаскинс 13 марта 1933 г., хотя в первом издании автобиографической книги, которую Гаскинс надиктовал сидя в тюрьме, приводилась и другая дата – 31 марта 1933 г. (возможно, имела место банальная типографская ошибка). Своего отца Дональд не знал, никогда его не видел и ничего о нём не слышал, и нет уверенности в том, что сама мать Дональда знала, кто являлся таковым. В силу это мальчик до 13 лет носил фамилию «Паррот» (Parrot) – это была фамилия матери. По имени к нему не обращались, для всех он был просто «Джуниор Паррот» («Младший Паррот»).

В 1943 г. Паррот-мама вышла замуж, и у Дональда одномоментно появились четверо сводных братьев. Тогда же они переехали в дом на окраине Флоренса, небольшого городка, являвшегося центром одноимённого округа. На следующий год Дональд забросил школу и устроился работать в местной автомастерской, где быстро сошёлся с двумя пар-

нями постарше – некими Дэнни и Маршем (фамилии обоих никогда официально не оглашались, поскольку оба являлись в тот период несовершеннолетними, а впоследствии их никогда не признавали виновными в тех правонарушениях, о которых рассказывал Гаскинс). Эти были «проблемные» подростки, которые моментально сдружились, почувствовав общность дурных наклонностей. Сами себя они называли «Трио проблем», то есть считали себя теми, кто «создаёт проблемы».

Папашка одного из новых друзей Дональда был прежде судим и преподавал подросткам первые криминальные уроки – научил открывать простейшие дверные замки, показал правила угона автотранспорта, подсказал гениальную в своей простоте идею воровства бензина из припаркованных автомашин. Уроки не прошли даром, трое юных балбесов, отработав в автомастерской положенное время, посвящали вечера и ночи мелким правонарушениям. Помимо слива бензина из баков, компания не брезговала и воровством вещей из салонов автомашин – обычно это были пледы, оставленные владельцами сумки или верхняя одежда. Довольно быстро «трио» выстроило криминальную цепочку по добыче, хранению и сбыту краденого. Свой «штаб» компания оборудовала в лесу в нескольких километрах от Флоренса, выкопав в овраге, под корнями дерева, довольно вместительное убежище. В этом схроне воришки складировали добычу, переправляя в дальнейшем скупщикам краденого.

По мере того, как воровской промысел стал приносить прибыль, появились мыслишки о расширении "дела". Для этого следовало расширить географию воровства, поскольку в маленьком Флоренсе долго скрывать свои проделки было невозможно. В 1945 г. "трио" сбросилось и купило поддержанную автомашину. Её приобретение придало воришкам необходимую мобильность – теперь вся компания по вечерам выезжала в соседние крупные города Чарлстон (примерно в 160 км) и Колумбия (в 145 км). Ребятки думали не только о заработке, но и о развлечениях – гопники регулярно стали "снимать" проституток и нападать на одиночных подростков с целью ограбления и изнасилования. Гаскинс впоследствии признавал, что в 1945 г. вместе с Дэнни и Маршем участвовал в нескольких гомосексуальных изнасилованиях, узнав на практике, что такое однополый секс.

Все эти «развлечения» закончились так, как и должны были закончиться – зарвавшаяся шпана потеряла чувство реальности и нарвалась на серьёзные неприятности там, где никак не ожидала их встретить. «Трио проблем», потехи ради, изнасиловала младшую сестрёнку Марша, надо сказать, с подачи брата-дурака, решившего, что это будет неплохое развлечение. Три балбеса думали, что достаточно будет дать изнасилованной немного денег, и о случившемся никто не узнает, но... 10-летняя девочка рассудила иначе и обо всём рассказала маме. Далее последовала феерическая расправа отца жертвы (и по совместительству самого Марша),

который под дулом дробовика загнал всех троих гопников в сенной сарай, повесил под коньком крыши и принялся избивать. В ход пошли предметы окружающей обстановки – плетень, палка, приклад дробовика, ну, и само собой, кулаки и ботинки разъярённого отца. Как долго продолжалась воспитательная работа, неизвестно, но видимо, нужный эффект был достигнут, поскольку в ту же ночь Марш и Дэнни навсегда покинули Флоренс, умчавшись в ночную тьму на автомашине. Более никогда эти люди не появлялись в жизни Дональда, и ему ничего не было известно об их дальнейшей судьбе.

12-летнего «Джуниора» Паррота дружки с собою не взяли. Впрочем, на пользу ему это не пошло. Немного восстановив пошатнувшееся после воспитательной работы здоровье, Дональд принялся за прежние проделки. Но теперь он был лишён мобильности и мог промышлять кражами лишь в самом Флоренсе либо ближайших окрестностях. Эта территориальная ограниченность была бы фатальна для любого вора, но «Джуниор» этого в то время не понимал. Примерно полгода ему удавалось потихоньку подворовывать в чужих домах и сливать по ночам бензин из чужих автомашин, но, в конце концов, удача от него отвернулась. Весной 1946 г. он вошёл в дом, расположенный неподалёку от своего собственного, не подозревая, что хозяйка находится внутри. Женщина, перепуганная вторжением, схватилась за топор, Дональд бросился бежать, но дамочка погналась за ним, оче-

видно, поддавшись охотничьему инстинкту. В принципе, погоня эта была совершенно лишней – женщина прекрасно узнала вора, поскольку не раз встречала «Джуниора» Паррота прежде, так что совсем не обязательно было ей лично задерживать воришку. Однако она всё же погналась, и погоня эта едва не стоила домохозяйке жизни – «Джуниор», видя, что не в силах скрыться, набросился на женщину, отнял у неё топор и нанёс несколько ударов по голове.

К счастью, женщина осталась жива и сумела дать показания о случившемся.

Этот случай бесповоротно изменил жизнь 13-летнего мальчика, поскольку "Джуниор" попался не на какой-то чепухе вроде слива канистры бензина, а на нападении с целью убийства – именно так квалифицировал его действия окружной прокурор. Как отягчающее вину обстоятельство рассматривалось использование смертельного оружия (топора) и проникновение в запертое жилище с целью хищения. Детство "Джуниора" на этом закончилось – его приговорили к 10 годам лишения свободы, но до достижения 18-летия ему предстояло находиться в специальной колонии для малолетних преступников, которая завуалированно называлась "Ремесленной школой Южной Каролины для мальчиков" и располагалась тут же, буквально в 3 км от городка Флоренс. Дональд был судим и отправился в колонию под фамилией "Гаскинс", и более никто и никогда не называл его "Парротом".

Как нетрудно догадаться, этот поворот в судьбе малолетнего преступника оказался весьма и весьма печальным. В первую же ночь в стенах "Ремесленной школы" 13-летнего Гаскинса затащили в душ и изнасиловали примерно 20 подростков, таких же, как и он, малолетних преступников. Трудно не увидеть в случившемся перст Божий, ведь Гаскинс столкнулся с тем же самым унижением, которое творил в отношении других мальчиков всего несколько месяцев назад, когда вместе с Дэнни и Маршем насиловал подростков в Чарлстоне. Дональд понял, что жизнь его в "исправительном учреждении" будет по-настоящему жуткой, если он не придумает какой-то приемлемый выход. Приемлемый выход свёлся к тому, что Гаскинс предложил себя в качестве "персональной шлюхи" местному лидеру, которого все именовали "Боссом". Как впоследствии признавался в своей книге Дональд, "Боссу" понравилась эта идея, и он взял Гаскинса под свою опеку, хотя и отдавал периодически своим друзьям для снятия сексуального напряжения. Тем не менее, такое положение вещей было куда лучше, нежели групповые изнасилования каждую ночь, растягивавшиеся порой на долгие часы, от которых Дональд, очутившись в новом положении, моментально избавился.

Тем не менее, жизнь в "Ремесленной школе" оставалась мучительной, а перспективы и того мрачнее. Даже продержавшись там до 18 лет, Гаскинс неизбежно попадал во взрослую тюрьму, где шансов "поставить себя" он не имел ни

малейших, и ясно это сознавал. После долгих мучительных размышлений о своей будущности Дональд решился на побег, и чтобы чувствовать себя на свободе увереннее, уговорил принять в нём участие ещё четверых "опущенных" подростков. Терять им было нечего, они рассчитывали бежать и жить кражами и разбоем. Это была настоящая банда, пусть и 13-14-летних мальчишек, которые с ножами в руках могли представлять опасность для любого взрослого мужчины. Весной 1947 г. эта банда зверёнышей ушла "в бега", но юнцы недооценили опыт местного шерифа и охранников собственного узилища. Гопники думали, что скрывшись в лесу, они мигом станут недосягаемы для всех, однако, как выяснилось, взрослые умеют читать следы, и менее чем через сутки всю компашку взяли без особых церемоний прямо у костра, возле которого она грелась.

Юнцов вывели из леса, швырнули в кузов грузовика и повезли обратно в "Ремесленную школу". И тут Гаскинс, пожалуй, впервые проявил ту самую свою неукротимость, которая через некоторое время создаст ему репутацию очень и очень опасного человека. Он выпрыгнул на ходу из грузовика и, несмотря на сильный ушиб ноги, полученный при падении, снова рванул в лес. Началась новая погоня, на этот раз за одним только Дональдом. Может показаться невероятным, но он оторвался от преследователей и после многочасового бега сумел добраться до того самого "штаба" в овраге, который был выкопан им совместно с Дэнни и Маршем

более трёх лет назад. Гаскинс сумел продержаться двое суток – за это время он умудрился украсть во Флоренсе плед, кое-какую одежду, раздобыл хлеб и молоко. Его искали по всему округу Флоренс как настоящего преступника, но он благополучно пересидел в своём убежище двукратное прочёсывание леса и, возможно, смог бы оставаться на свободе и дальше, но... в "штаб" явился его адвокат, осведомлённый о существовании укрытия в овраге. Он уговорил Дональда сдаться, обещая, что тот не будет наказан за побег.

Гаскинс доверился этому человеку, за что жестоко поплатился. Адвокат с победным видом привёл Гаскинса в головной офис службы шерифа, передал его в руки законников и, что называется, умыл руки. А Дональд, возвращённый в «Ремесленную школу», получил без долгих разговоров 30 ударов ремнём и 30 дней «трудовой изоляции». Последняя «фишка» – изобретение директора – являлась особенно действенным методом в процессе перевоспитания трудных подростков. Так, по крайней мере, считал сам директор. «Трудовая изоляция» состояла в том, что провинившийся подросток от зари до зари копал дренажные канавы на принадлежащем школе кукурузном поле, а после заката помещался в одиночную камеру, сильно смахивавшую на настоящий тюремный карцер. Главное отличие состояло в том, что в камере имелась откидная деревянная койка, но постельных принадлежностей к ней не полагалось, даже подушки не было. Директор шутил, что сон на голых досках улучшает осан-

ку сутулящихся подростков, и находил свой юмор остроумным.

Впрочем, в этой изоляции имелся и определённый позитив, по крайней мере Дональду не приходилось сталкиваться с «Боссом» и его дружкам.

Однако 30 дней "трудовой изоляции" минули, и Гаскинса встретили с распростёртыми объятиями те самые ребята, что насиловали его в первый день. "Босс" разрешил новую "прописку", ведь Дональд предал его, убежав из училища, а стало быть, заслужил наказание. Вновь последовало групповое изнасилование, после которого "Босс" смиростивился и разрешил Гаскинсу вновь стать его "персональной шлюхой".

Но Дональд уже понял, что так жить он не сможет и не станет. Мысль о побеге прочно засела в голове подростка, и никакая угроза наказания уже не могла заставить его отказаться от намерения покинуть «Ремесленную школу» любой ценой.

Гаскинс решил "уйти" по осени, когда на территории Южной Каролины портится погода, со стороны океана идут мощные циклоны, рождающие ураганы и торнадо. Время вроде бы очень невыгодное для побега, но на этом и строилась его расчёт – тяжело будет не только беглецу, но и тем, кто пойдёт по его следу.

В конце сентября всё того же 1947 г. Дональд вновь ушёл "в побег". На этот раз его сопровождал один только товарищ – Гаскинс понял минусы большой компании, которая нико-

гда не способна договориться внутри себя, легко поддаётся унынию и панике. Беглецы продержались 6 суток, благополучно уйдя от погони, раздобыв новую одежду и разжившись деньгами. Казалось, удача им сопутствует, но так только казалось – внимательный фермер заметил подозрительную парочку в своём сенном сарае и позвонил в офис шерифа. Теперь никто уже не обещал Гаскинсу, что наказания не будет – напротив, ему пообещали, что наказание он получит самое строгое...

Водворённый обратно в "Ремесленную школу", Дональд получил одновременно 50 ударов ремнём по спине и ягодицам. Этого было достаточно для того, чтобы тело болело более полутора месяцев. Кара, однако, этим отнюдь не исчерпывалась – "трудовая изоляция" на этот раз увеличилась до 120 суток. Четыре месяца Гаскинс спал на голых досках в неотапливаемом помещении, работая в любую погоду лопатой. Но окончание срока наказания не только не облегчило его участь, но лишь ухудшило положение.

Вернувшись в коллектив соучеников, Гаскинс с ужасом узнал, что прежний "Босс" достиг совершеннолетия и переселился в мужскую тюрьму. И теперь местным вожаком оказался подросток, ненавидевший Гаскинса. Он не только не сделал его "персональной шлюхой", но напротив, велел друзьям насиловать Дональда каждый день. Тому приходилось исполнять сексуальные прихоти гиперсексуальных подростков по несколько десятков раз в сутки. Даже представить

страшно, какие унижения и страдания испытал в те месяцы Гаскинс, имевший, как станет ясно из последующих событий его жизни, в целом гетеросексуальную ориентацию.

Многие мужчины или подростки на его месте смирились бы с незавидной участью насилуемого либо решились на самоубийство. Кстати, последнее, быть может, оказалось бы наилучшим выходом для всех и, прежде всего, – будущих жертв Дональда Гаскинса. Как ни чудовищно это звучит, но если бы Дональд прервал свой земной путь в далёком 1947 году, многие десятки людей остались бы живы... Однако герою этой саги был не таков.

И проницательный читатель без труда предугадает, что предпринял Дональд Гаскинс в сложившейся ситуации. Правильно – он решился на новый побег! В марте 1948 г., едва установилась устойчивая хорошая погода, Дональд опять пустился в бега. На этот раз он действовал в одиночку, решив, что компания только будет сковывать его подвижность. Он снова умудрился украсть новую одежду, раздобыть мелкие деньги и, избегая крупных дорог, преодолел по лесной и пересечённой местности более 80 км пешим ходом. Гаскинс явился в дом своей тётки, старшей сестры матери, проживавшей в городке Кингстри в соседнем округе Уилльямсбург (Williamsburg). Беглец сделал правильные выводы из опыта предыдущих побегов и направил свои стопы подальше от округа Флоренс. Расчёт его был верен – шерифу другого округа хватает своих дел, и ориентировку на беглеца, полу-

ченную от соседа, он если не проигнорирует, то уж во всяком случае воспримет довольно формально. Ведь лишней работы не любит никто!

Дональд явился к тётушке, рассказал ей об ужасах, творящихся в "Ремесленной школе", и попросил укрытия на несколько дней. Беглец думал двинуть дальше на юг, но... тётушка вышла в соседнюю комнату, позвонила директору "Ремесленной школы" и строгим голосом спросила, неужели всё, что ей рассказал племянник, правда? Директор, разумеется, ответил, что племянник её обманывает, но пусть она не переживает по этому поводу – его сейчас заберут. И действительно, через четверть часа подъехала машина службы шерифа, и два сердитых патрульных вывели Дональда Гаскинса из столь негостеприимного дома его тётушки.

В тот день Дональд по-настоящему осознал, почему в этой жизни никому не следует доверять.

Возвращённый в постылую клоаку под названием "Ремесленная школа" Гаскинс снова был водворён в знакомый ему карцер. На этот раз директор решил не ограничиваться одноразовой поркой – он велел бить Дональда ремнём каждую ночь на протяжении недели. По 20 "горяченьких" за раз. Это было ужаснее, чем 50 одновременно! Пленник терпел, сколько мог, но на седьмую ночь не выдержал – когда его привели в комнату для экзекуции, он вырвался из рук конвойного и ударил палача кулаком в нос. Это было неслыханно – подросток не просто проявил неповиновение, но со-

вершил нападение на "воспитателя"! Три здоровых мужика-"воспитателя" моментально набросились на малорослого 14-летнего мальчишку и принялись избивать его. Остановились тогда, когда поняли, что тот потерял сознание.

Дональд, помимо сотрясения мозга, получил множественные двусторонние переломы рёбер, осколки которых проткнули плевральную полость. Внутреннее кровоотечение – гемоторакс – грозило привести к остановке дыхания и смерти в кратчайшее время. Спасло Гаскинса лишь то обстоятельство, что "Ремесленная школа" находилось неподалёку от клинической больницы, благодаря чему пострадавший очутился на операционном столе в считанные минуты после вызова машины "скорой помощи".

Случившееся, видимо, здорово напугало администрацию исправительного учреждения, потому что после выздоровления Гаскинса руководство "Ремесленной школы" отказалось его принять обратно без психиатрического освидетельствования. Дональда направили в психиатрическую больницу штата для проведения экспертизы его состояния в условиях стационара. Врачи признали подростка вменяемым и годным для пребывания в "Ремесленной школе" на общих основаниях, но долгое время Гаскинса возвратить назад не удавалось – руководство спецшколы всячески препятствовало этому. Переписка тянулась почти два года – лишь в феврале 1950 г. Дональд вернулся в постылые стены. Ему было уже почти 17 лет, он находился в категории старших "воспи-

танников", и теперь его уже не преследовали другие подростки-заключённые. Изменилось и отношение к нему администрации – там, похоже, поняли, что Гаскинс такой человек, из-за конфликта с которым можно получить массу хлопот, поэтому с Дональдом лучше ладить. Впервые никто Гаскинсу не мстил и не грозил мстью.

Подобное мирное сосуществование продлилось несколько месяцев. Постепенно настороженное отношение к Гаскинсу исчезло, и представители администрации спецшколы вернулись к прежнему стилю обращения. В июне 1950 г. Дональд отказался повиноваться неправомерному приказу одного из "воспитателей", и последний пригрозил ему, что "накажет за всё".

Гаскинс не стал дожидаться, пока до него доберутся осмелевшие "воспитатели", и в ту же ночь совершил свой четвёртый побег из "Ремесленной школы". Он учёл все свои прежние ошибки – бежал в одиночку, к родственникам и знакомым не обращался, постарался побыстрее покинуть пределы округа Флоренс. Теперь удача сопутствовала беглецу – он благополучно достиг города Самтер, административного центра соседнего округа, где присоединился к бродячему цирку, устроившись разнорабочим. Беглеца там приняли хорошо, настолько хорошо, что Гаскинс даже закрутил роман с 13-летней девочкой-гимнасткой. Дождавшись, пока избраннице исполнится 14 лет, Дональд официально бракосочетался с нею. Произошло это памятное событие 22 января 1951 г.

На следующий день после первой брачной ночи Гаскинс явился в офис службы шерифа и добровольно сдался. Поступок, прямо скажем, довольно неожиданный для молодого человека, но какая-то причина для него, безусловно, существовала. В своих воспоминаниях Гаскинс никак не объяснил свою добровольную сдачу властям, но скорее всего, побудительным мотивом для этого явилась свадьба. По-видимому, его бракосочетание было вынужденным, и Дональд решил убежать от своих товарищей по цирку обратно за колючую проволоку.

В конце января 1951 г. Гаскинса возвратили в "Ремесленную школу" во Флоренсе. Он благополучно находился там до своего 18-летия, после чего был освобождён. Причина освобождения не совсем ясна, поскольку приговор 1946 г. предусматривал его перевод во взрослую тюрьму по достижении 18 лет. Однако в силу неких обстоятельств этого не случилось, и Дональд в конце марта 1951 г. оказался на свободе с 10\$ в кармане и добрым напутствием директора поскорее уехать из Флоренса.

Гаскинс прислушался к доброму совету и в городе не задержался. Южная Каролина – сельскохозяйственный штат, и поскольку по весне начались активные работы на полях, Дональд подался батрачить в сельскую местность. Фермеры давали крышу над головой, кормили и даже платили кое-какую зарплату, так что продержаться первое время можно было без особых затруднений. В течение весны молодой человек

поработал в трёх фермерских хозяйствах, пока, наконец, в четвёртом не повстречал своего знакомого по "Ремесленной школе", который также подвизался батраком.

Обсудив свою незавидную долю, молодые люди сошлись во мнении, что батраки работают много, а зарабатывают мало, жить же хочется прямо сейчас, и жить хорошо... Обмозговав все возможные варианты быстрого обогащения, парочка остановилась на довольно простой комбинации, подпадавшей под категорию «страхового мошенничества». На следующее утро Гаскинс как более рассудительный и разговорчивый отправился к фермеру и предложил тому следующий план: фермер при большом количестве свидетелей загружает собранным табаком один из своих сараев, который Гаскинс ночью подожжёт, но предварительно вывезет весь табак в указанное фермером место. Так как урожай застрахован, фермер получит страховку, сохранив при этом урожай. Фермер будет вне подозрений, поскольку позаботится о создании себе железного alibi на вечернее и ночное время. Его задача – предоставить Гаскинсу грузовую автомашину или трактор с прицепом и указать место, где надо будет спрятать вывезенный табак, остальное – забота Дональда. За свои труды молодой человек просил всего-то 1 тыс.\$.

Фермер согласился без колебаний – громадные сараи, забитые сухим листовым табаком страховались на суммы в три (и более) тысячи долларов, так что с коммерческой точки зрения выгода представлялась несомненной. Доказать же

сговор будет практически невозможно, другими словами, фермер фактически ничем не рисковал даже в случае поимки Гаскинса с поличным.

В течение недели план был реализован, и успех превзошёл все ожидания. Страховщик без проблем выплатил возмещение, и Дональд получил свою тысячу "баксов", которую разделил с другом пополам. Он не верил в собственный успех – никогда прежде Гаскинсу не доводилось держать в руках столько денег. Своих денег!

Выждав некоторое время, дружки уволились, поскольку понимали, что один и тот же фокус нельзя проворачивать дважды у одного землевладельца. Фермер в виде благодарности направил их к своему другу, который также был не прочь подзаработать на страховой компании. И Гаскинс с товарищем повторили незатейливую комбинацию с поджогом пустого сарая... И страховщик снова безропотно выплатил фермеру возмещение по факту наступления страхового события. А предприимчивые молодые люди стали богаче ещё на 1 тыс.\$.

Слава о находчивых ребятах побежала впереди них. Гаскинсу и его товарищу более не надо было никого уговаривать – фермеры сами обращались к ним по рекомендации друзей. До конца декабря 1951 г. парочка провернула свою замечательную комбинацию ещё в четырёх фермерских хозяйствах! Сарай с табаком полыхали каждый месяц, денежный поток не иссякал...

Закончилось всё неожиданно и на редкость глупо. Договорившись с очередным фермером об организации поджога, Гаскинс, дабы создать себе необходимую легенду, устроился работать у него батраком. Но в его договорённость с землевладельцем неожиданно вмешались родственники последнего, не желавшие, чтобы тот затевал уголовно наказуемую аферу. Поскольку самого фермера переубедить оказалось невозможно, родственники решили воздействовать на Гаскинса. Напомним, тот был всего 163 см роста и в целом казался безобидным парнем. Такого можно было запугать без особых хлопот – так думали многие, введенные в заблуждение обманчивой внешностью малорослого молодого человека.

Перед самым Рождеством 1951 г. члены семьи предпринимчивого фермера под благовидным предлогом пригласили Дональда в один из хозяйственных сараев и повели с ним жёсткий разговор, добиваясь отказа от выполнения договорённости о поджоге. Гаскинс возражал, справедливо указывая на то, что семья фермера должна решить проблему внутри себя, а не обращаться к нему, постороннему человеку, который действует сугубо как наёмник. Слово за слово – и разговор обострился, Гаскинс попробовал уйти, но его не пустили, загородив проход. Тогда, не долго думая, Дональд схватил лежавший рядом молоток и ударил им по голове мать фермера.

К счастью, не убил, но череп пробил. Понятное дело, Гас-

кинс тут же был схвачен, передан людям шерифа, далее последовал арест, обвинение в поджогах, нападении со смертельным оружием и попытке убийства. Ситуация выглядела для арестанта хуже некуда – он был вчистую виноват и от наказания уйти никак не мог. Вопрос сводился лишь к тому, каким это наказание будет?

Проведя пару дней на нарах и творчески осмыслив своё незавидное положение, Дональд решил заключить с обвинителем досудебную сделку – ему гарантируют 18 месяцев лишения свободы, а он выложит как на духу всё, что ему известно о страховых мошенничествах в округе. Надо сказать, что действовал Гаскинс весьма разумно – дружка своего не подставлял, поскольку тот моментально сбежал из Южной Каролины, узнав об аресте Дональда, а что касается судьбы фермеров, то это уже была не его забота. На самом деле фермерам тоже ничего особенно страшного не грозило, ибо все разоблачения Гаскинса были бы сугубо голословны.

Тем не менее окружной прокурор пошёл на сделку и пообещал арестанту всего лишь 18 месяцев заключения, если тот расскажет всё о своих проделках. Дональд и рассказал. А затем, приведённый в зал суда, повторил перед судьёй своё признание. Говорить было особенно не о чем, обвиняемый вину свою полностью признавал и даже что-то бормотал о раскаянии, а потому судья Тимоти Греникер (Greniker) без долгих раздумий стукнул молотком и приговорил Гаскинса к... 5 годам тюремного заключения. Дональд возму-

тился – как же так, ему ведь обещали всего полтора года! Судья в свою очередь поинтересовался у прокурора, имеется ли письменное свидетельство заключения досудебной сделки? И услышав, что нет, тут же рассудил – значит, и сделки не было! Потрясённый подобным цинизмом, Гаскинс обложил судью непристойной тирадой, за что тут же получил дополнительно ещё 1 год тюремного заключения «за неуважение к суду».

Итак, вместо ожидаемых полутора лет Дональд загремел на нары аж даже на шесть! Было отчего повесить нос...

Май 1976 г. Гаскинс направляется на судебное слушание в качестве одного из обвиняемых в убийстве 9 человек.

Первое время Дональду в тюрьме удавалось избегать ка-

ких-либо гомосексуальных посягательств. Однако от репутации не убежишь – в заключении оказались молодые преступники, знававшие Гаскинса ещё по времени пребывания в «Ремесленной школе». А стало быть, его прошлое «опущенного» большой тайны для окружающих не составило. Примерно через пару недель Дональду пришлось уступить сексуальным притязаниям сокамерника – тот был на две головы выше него, и физически противостоять ему малорослый Гаскинс никак не мог. Примерно с месяц он мирился со своим статусом, но затем понял, что не проживёт так 6 лет. Если он хотел продержаться столь значительный срок, ему надо было что-то предпринять.

Удивительно, но он нашёл выход из положения! Дональд решил совершить значимое убийство, то есть такое, которое сразу поднимет его наверх тюремной иерархии, одно упоминание о котором послужит гарантией его неприкосновенности в будущем. Сначала он думал убить кого-либо из тюремных охранников, но потом от этих планов отказался – подобное преступление почти со 100%-ой вероятностью приводило его на электрический стул. Надо было "мочкануть" кого-то из заключённых, но не рядового "урку", а человека известного, значимого, авторитетного в уголовной среде. И такого человека он выбрал.

В роли "агнца на заклание" должен был выступить некий Хэйзел Бразелл – чикагский гангстер, грабитель и убийца, очень опасный человек, всегда выходивший из камеры в со-

провожении телохранителя. Последний был нужен Хэйзелу не только для личной защиты, но и для помощи в выколачивании долгов. Дело заключалось в том, что Бразелл вёл в тюрьме активную подпольную торговлю запрещёнными товарами – от сигарет и порнографии до бритвенных принадлежностей и марихуаны. Кроме того, Бразелл ссужал осуждённых наличностью, весьма дефицитной в тюремных условиях. Бизнес этого бандита был поставлен на широкую ногу, Бразелла "крышевали" некоторые из охранников, благодаря чему тот мог чувствовать себя в относительной безопасности. Хэйзел не чурался рукоприкладства и запросто пускал в ход кулаки, если требовалось наказать задолжавшего клиента, и в такие минуты присутствие телохранителя оказывалось весьма кстати.

Дональд Гаскинс «подъехал» к Бразеллу очень хитро. Сначала он сделал несколько покупок по мелочи – приобрёл сигареты, хорошее мыло, затем аккуратно намекнул, что имеет связь с человеком, работающим на продуктовом складе. А потому есть неплохой шанс развернуть торговлю «подтыренной жратвой» – печеньем, консервами, соком. Гаскинс объяснил Бразеллу, что за такое дело браться в одиночку боится, ибо авторитета в тюрьме не имеет, да и «прикрышки» от тюремной охраны у него нет, но если бы кто-то взял его предприятие «под крыло»... В общем, Дональд разбудил в Бразелле жажду стяжания, и опытный бандит купился с потрохами на дешёвую приманку. И потерял бдительность.

В конечном итоге это стоило ему жизни. Дональд Гаскинс пять раз встречался с Бразеллом для обсуждения всевозможных деталей, а на шестой... набросился на бандита и перерезал тому горло опасной бритвой. Купленной, кстати, у того же самого Брззелла. Убийство произошло в душе, мощный, крепкий мужик, будучи застигнут врасплох, ничего не смог противопоставить маленькому злобному Гаскинсу. Телохранитель, увидев тело Бразелла на полу в потоках собственной крови, растерялся, и Дональд дал ему добрый совет: "Уходи и говори, что тебя здесь не было".

Сам Гаскинс не стал прятаться, а направился напрямик к директору тюрьмы и рассказал, что убил Хэйзела Бразелла из-за того, что тот попытался изнасиловать его.

Объяснение звучало логично – Бразелл был раздет и находился в душе, кроме того, он отпустил своего телохранителя, видимо, для того, чтобы тот не мешал его интимным развлечениям. В общем, Гаскинс отделался сравнительно мягким приговором – ему добавили всего лишь 9 лет с условием отбытия не менее $\frac{2}{3}$ наказания (то есть 6 лет).

Зато теперь вся тюрьма узнала, что предложить Дональду гомосекс – это очень плохая мысль, крайне вредная для здоровья. За такое можно и бритвой по горлу получить...

После случившегося Гаскинса поместили в одиночную камеру по весьма прозаической причине – тюремная администрация опасалась, что дружки Бразелла сведут с ним счёты. В "одиночке" Дональд провёл 6 месяцев – очень непро-

стое испытание, но он с честью его выдержал. Наконец, в конце 1952 г. его возвратили в общую зону тюрьмы, и молодой человек впервые оказался в уголовной среде в статусе полноценного члена. Теперь никто не мог унижить Дональда словом или поступком, о нём уже не говорили, что дружки из колонии малолетних преступников "трахали его зад", а говорили совсем иное, что он – отчаянный малый, постоянно совершавший побеги и готовый убить любого, кто станет на его пути.

В относительном спокойствии минули несколько лет. Но в 1955 г. Гаскинс узнал, что его жена подала на развод – и эта мысль точно свела заключённого с ума. Он и до этого уже всерьёз задумывался о побеге, так как устал тянуть тюремную лямку, так что развод с женой послужил катализатором принятия окончательного решения. Гаскинс спрятался в мусорном баке и таким тривиальным способом скрытно выехал за ворота тюрьмы. С мусоровоза он прыгнул на окраине Флоренса, а далее действовал уже по отработанной схеме – живо обзавёлся новой одеждой, сворованной из белья, вывешенного для просушки, уже через четверть часа угнал автомашину, и когда тюремная охрана подняла тревогу, был уже за пределами штата. Дональд двинул на юг, промышляя в пути мелким воровством и не веря тому, сколь неожиданно лёгким оказался путь на свободу.

Гаскинсу 21 год.

Свои стопы беглец направил во Флориду – в те годы там начинался строительный бум, и регион остро нуждался в рабочих руках. Гаскинс не сомневался, что сумеет там хорошо устроиться. И предчувствия его не обманули. По уже привычной схеме он присоединился к бродячему цирку, сказав, что имеет опыт работы в качестве подсобного рабочего, и его без лишних проблем взяли, несмотря на отсутствие документов. Моментально Гаскинс закрутил роман с одной из девушек-гимнасток, а когда та заявила, что им необходимо официально оформить отношения – тут же согласился. В церкви их брак зарегистрировали и выдали соответствующую справку, так у Дональда появился подлинный документ на вымышленное имя, используя который он быстренько "восстановил" водительское удостоверение, якобы сго-

ревшее при пожаре в другом штате.

Всё складывалось как нельзя лучше!

Новая жена повезла мужа представить своим родителям – и допустила тем самым роковую ошибку. Дональд быстро устал от расспросов о собственном происхождении, о родителях, об окончании школы и прочем. Не особенно церемонясь, он послал к "такой-то матери" и свою молодую жену, и её родителей, и уехал из их дома обратно в цирк. В браке он прожил всего 2 недели.

Вернувшись в труппу, Дональд рассказал своим новым друзьям о том, что его семейная жизнь не сложилась, и его появление было отмечено всеобщей попойкой. Дональд, имея отвратительный характер, тем не менее умудрялся располагать к себе людей, если испытывал в этом потребность. В общем, прошло совсем немного времени и, как нетрудно догадаться, Гаскинс закрутил роман с другой девушкой из труппы – некоей Бетти Гейтс, исполнявший акробатические номера. То, что Дональд "переползал" с одной девушки на другую, никого из циркачей не смущало, видимо, в их среде это было нормальное поведение. Некоторое время Дональд ходил, окрылённый новой любовью, но этот роман до добра его не довёл.

Бетти попросила Дональда помочь ей в одном "пустячке", а именно – передать её родному брату в тюрьму передачку. Сама она это сделать не могла по весьма прозаической причине – конвойные имели привычку приставать к моло-

деньким девушкам, а если те не позволяли им лишнего, то "дача" либо не доходила до заключённого, либо доходила в истерзанном виде. Конвоиры не ленились переломать все сигареты, лишь бы только насолить слишком принципиальной девушке. Как нетрудно понять, Гаскинс живо отозвался на просьбу своей новой возлюбленной, ведь он сам, будучи недавним тюремным сидельцем, не понаслышке знал о произволе тюремной охраны.

Угнав вместе с Бетти автомобиль, Дональд в марте 1956 г. направился в округ Патнэм (Putnam), штат Флорида, где томился на нарах братишка Гейтс. Поначалу всё шло замечательно – остановившись в мотеле, парочка разделилась, Дональд метнулся по нужному адресу на Грилл-авеню, где находилась местная тюрьма, и живо передал блок сигарет томившемуся в неволе Джеймсу Гейтсу. После чего вернулся в мотель, но... не обнаружил там подружки-акробатки. Более того, отсутствовал и их автомобиль, угнанный сутками ранее. Дональду следовало бы насторожиться, но он не просёк двусмысленности ситуации, а потому улёгся вздремнуть, дожидаясь возвращения любимой.

Любимая так и не вернулась. Вместо неё в дверь постучал патруль службы шерифа, который задержал Гаскинса. Как оказалось, в переданном им блоке сигарет была спрятана опасная бритва... Гаскинса доставили на допрос к шерифу, и Дональд рассказал о себе почти всё – как он недавно женился, но жена его выгнала из дома, как он пристал к бро-

дядечему цирку, и девушка-акробат вскружила ему голову... как он, поддавшись её чарам, согласился передать в местную тюрьму «дачку» для её брата. Дональд показал настоящие документы – справку о бракосочетании, заверенную церковной печатью, новенькое водительское удостоверение... При своём росте 163 см он выглядел совершенно безобидно и казался лохом, которого провела хитроумная и подлая бабёнка. Шериф в ответ рассказал Гаскинсу о том, что Гейтс, которому тот пытался передать бритву, опасный гангстер и убийца, и Бетти не сестра его, а жена. В общем, шериф проникся состраданием к хлипкому и даже жалкому на вид молодому человеку и был уже готов отпустить Гаскинса на все четыре стороны, но... удача отвернулась от Дональда бесповоротно.

Пока шериф беседовал с задержанным, подоспела справка дорожной полиции, из которой следовало, что парочка – то есть Дональд Гаскинс и Бетти Гейтс – подъехала к мотелю на угнанной автомашине. Шериф сразу же насторожился и предложил Дональду сдать отпечатки пальцев – так, сугубо на всякий случай. Гаскинс, сохраняя присутствие духа, немедленно согласился – он понимал, что во Флориде на него компромата нет, а о его побеге из тюрьмы в Южной Каролине здесь станет известно нескоро. Сличение отпечатков пальцев в любом случае окажется процессом долгим, так что Дональд рассчитывал, что его спокойствие и доброжелательность позволят отвести все подозрения.

Но не отвели. Шериф самолично принялся листать под-

шивку ориентировок на лиц, находящихся в федеральном розыске и... наткнулся на листовку с фотографией Гаскинса и его словесным портретом. Из сопроводительного текста следовало, что беглец – опасный преступник, мошенник и убийца, которого уже несколько месяцев ищут по всем Соединённым Штатам.

В общем, на Дональда нацепили наручники и направили на родину, а если говорить совсем точно, то обратно в тюрьму штата Южная Каролина. Впрочем, этапирование несколько подзатянулось – сначала Гаскинс подрался с другим заключённым, неосторожно пошутившим в его адрес, а затем стало известно, что ФБР возбудило расследование по факту перегона угнанной автомашины из Южной Каролины во Флориду. Той самой, на которой Гаскинс бежал из родного штата. Трудно сказать, чем объяснялась такая принципиальность ФБР, ведь на фоне остальных проделок Дональда эту можно было считать сущим пустяком, но факт остаётся фактом – Министерство юстиции США по представлению ФБР постановило, что он не должен возвращаться в тюрьму штата и ему надлежит досиживать срок в федеральной тюрьме.

Так Дональд совершенно неожиданно для самого себя попал в штат Джорджия, где в федеральной тюрьме в городе Атланта ему пришлось задержаться на несколько лет. Репутация уже бежала впереди Гаскинса – он прибыл к «федералам» вполне авторитетным уголовником, с которым было

не «в падлу» поздороваться по-настоящему крутым гангстерам. В Атланте Дональду сделали почётное предложение – стать платным телохранителем Фрэнка Костелло, крупного мафиози, содержавшегося в той же тюрьме. На протяжении трёх лет Гаскинс выполнял при Костелло роль «карманного палача», особенно ужасного в силу своей кажущейся безобидности. Костелло хорошо относился к общительному молодому человеку, веселившему босса бесчисленными байками об уголовных приключениях своей буйной молодости, и Фрэнк попросил своего адвоката подумать над вопросом о том, можно ли облегчить судьбу Дональда. Адвокат внимательно изучил материалы по осуждению Гаскинса, обратил особое внимание на полное сотрудничество Дональда с властями, которые цинично не сдержали своих обещаний по смягчению срока и условий его содержания, после чего настроил прошение о помиловании. Да настроил так ловко, что его неожиданно для всех удовлетворили. В общем, Дональд куковал в Атланте на нарах до августа 1961 г., а потом вдруг оказался на воле, как говорится, с чистой совестью, билетом на автобус до Южной Каролины и 20\$ в кармане.

Ему было всего 28 лет, и жизнь впереди казалась полной неожиданных сюрпризов. Дональд вернулся на свою малую родину, устроился батрачить на табачную ферму и быстренько принялся за старое – стал сливать бензин из бензобаков машин, воровать оставленные в салонах вещи... в общем,

делать всё то же самое, чему его научили ещё 15 лет назад.

Так Дональд развлекался пару-тройку месяцев, но душа ждала чего-то иного – новых впечатлений, больших денег, вообще, перемен к лучшему. И в конце 1961 г. эти перемены явились в образе бродячего протестантского проповедника Джорджа Тодда, который зарулил в округ Флоренс для прочтения нескольких пастырских наставлений. Гаскинсу проповедник понравился, а главное -понравилась жизнь на колёсах – идеальное прикрытие для вора-"гастролёра"! Дональд предложил себя проповеднику в шофёры, и они стали колесить по дорогам штата в автобусе с религиозной символикой.

Житуха пошла весёлая, не то что на хлопковой плантации! Проповедник читал проповеди, его проигрыватель проигрывал гимны, а Дональд шнырял по окрестностям, высматривая одиноко стоящие автомашины. Затем в тёмное время суток пробегал по разведанному маршруту с канистрой и мешком для ворованного барахла, и к полуночи автобус уносил проповедника и его шустрого шофёра к новому месту. В общем, жизнь пошла как по маслу.

В феврале 1962 г. Дональд женился в очередной раз. И в очередной раз его избранницей оказалась 17-летняя девственница. Возраст и девственность были основополагающими женскими качествами, которые принимались Дональдом в расчёт – всё остальное было несущественно. Бракосочетал их, понятное дело, проповедник, у которого Дональд успешно работал шофёром, так что процедура не заняла

много времени и не потребовала значительных материальных затрат. После третьего по счёту вступления в брак Дональд живо умчался дальше по пыльным дорогам Южной Каролины, объяснив своей новой избраннице, что семейный очаг – это не его удел, его высокий долг и призвание – внести посильную лепту в проповедь христианства.

Все эти разъезды закончились, как догадается проницательный читатель, весьма плачевно. Дональд зарвался. Он словно бы проверял границы дозволенного, с каждым днём позволяя себе всё более опасные и бесшабашные выходки, и в один далеко не прекрасный день попал в передрагу, которая едва не кончилась для него весьма и весьма плачевно.

Весной 1962 г., находясь со своим работодателем в родном Флоренсе, Дональд Гаскинс изнасиловал 12-летнюю девочку. Выследил на обратном пути из магазина и в безлюдном квартале затащил в кусты, пригрозив ножом. В сексуальных наклонностях Дональда на протяжении многих лет усиливались педофильские элементы – это видно хотя бы по тому, каких девушек он выбирал в жёны – и вот теперь фантазии вырвались из-под контроля и полностью подчинили поведение Гаскинса. Хорошо ещё, что он не пустил в ход нож, и жертва осталась жива...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.